

Ж И Т І Е

ПРЕПОДОБНАГО ГЕРАСИМА,

БОЛДИНСКАГО ЧУДОТВОРЦА,

Издано трудами настоятеля Болдина монастыря

Архимандрита Андрея.

МОСКВА.
Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка. Савеловскій пер., соб. домъ
1 8 9 3.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

Москва. Мая 10-го дня 1893 года.

Цензоръ Протоіерей Александръ Смирновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ии одна сторона нашего обширнаго отечества не страдала такъ часто и такъ сильно отъ нападеній враговъ, какъ нынѣшняя Смоленская губернія. На зарѣ нашей исторіи она была рубежемъ между Русью и Литвой и, при столкновеніяхъ между ними, первая принимала на себя удары враговъ. Въ 1396 году по Р. Х. Смоленская область съ ея православнымъ русскимъ населеніемъ была завоевана Литвою и вошла въ составъ Литовскаго княжества. Съ этого времени открылась особенно упорная и продолжительная борьба изъ за Смоленска и смежныхъ городовъ у русскихъ князей съ литовскими. Одни силились во что бы то ни стало вернуть свою коренную область, а другіе удержать ее за собой. Это было причиной горячихъ по тому времени столкновеній Руси съ Литвой подъ Мстиславлемъ, Вязьмою, Дорогобужемъ и другими окольными городами. Многіе изъ холмовъ и кургановъ по пути отъ Смоленска на востокъ и западъ являются могильными памятниками, подъ которыми тлѣютъ кости русскихъ и литвянь, нашедшихъ смерть въ этихъ сраженіяхъ. Борьба за Смоленскую область стихла – и то на время – лишь въ 1522 году, когда было заключено перемиріе, оставившее Смоленскъ во владѣніи великихъ князей Московскихъ.

Едва настало затишье послѣ страшныхъ воинскихъ бурь, едва смолкли бранные клики и земля просохла отъ крови, какъ Господь

послалъ избранника своего устроить въ Смоленской области пристань мира и безмятежія. Въ 1528 году смиренный инокъ, по имени Герасимъ, жаждавшій тихой уединенной молитвы, поселился въ дикомъ лѣсистомъ мѣстѣ недалеко отъ Дорогобужа возлѣ Московской дороги и началъ свои подвиги. Черезъ два года по прибытіи, онъ подвинулся далѣе отъ Дорогобужа, облюбовалъ себѣ убѣжище и устроилъ свое бѣдное жилище. Молва объ его подвигахъ и праведной жизни скоро вызвала удивленіе во всѣхъ и собрала около него людей, желавшихъ вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ идти по пути спасенія. Образовалось иноческое братство, были построены кельи и часовня и стали совершаться, по заповѣди апостола, *молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся челоуѣки* (1 Тим. 11, 1). Такъ волею Божіей на полѣ брани Руси съ Литвой возникъ пріютъ мира и молитвы; гдѣ слышались враждебные клики сражавшихся, раздались священныя пѣснопѣнія; гдѣ поднимался оружейный дымъ, пошло къ небу куреніе кадила. И не одинъ русскій, идя на враговъ, получалъ молитвенную помощь отъ подвижниковъ обители, не одно сердце, возбуждалось этой помощью къ защитѣ вѣры и отечества. Если бы занести на страницы исторіи тѣ мысли и чувства, которыя возбуждались въ русскихъ людяхъ при видѣ обители, какъ назидательны были-бы эти страницы! Онѣ сказали бы намъ, что эта обитель много послужила дѣлу мира и объединенія нашей родины.

Новоустроенная обитель, получившая названіе Болдиной, призвана была оказать особенно важныя услуги Смоленской области. Черезъ какихъ нибудь 70 лѣтъ по основаніи, Болдиной обители пришлось испытать тяжелые удары, направленные Поляками противъ многострадальной области. Въ скорбныя времена „ляхолѣтѣя“ обитель Пр. Герасима, вмѣстѣ съ сосѣдними церквами и монастырями, была поругана и ограблена своевольной и развратной шляхтой, осаждавшей Смоленскъ. Униженная и разоренная, она, по взятіи Поляками Смоленска въ 1611 году, была причислена къ польскимъ владѣніямъ и отдана въ полное распоряженіе іезуитамъ. Эти завзятые враги православной церкви пустили въ ходъ все, чтобы довести Болдинъ монастырь до

крайней степени паденія, и труды ихъ не остались втуне. Хотя при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ обитель и была возвращена Россіи, но долго не могла оправиться отъ погрома, нанесеннаго смутнымъ временемъ и господствомъ іезуитовъ. Наконецъ, въ недавнее время, въ памятную Руси годину разоренья, обитель Пр. Герасима снова испила горькую чашу страданій отъ французовъ, направлявшихъ къ сердцу Россіи — Москвѣ. Не смотря на эти несчастія и невзгоды, пережитыя св. обителью, она и доселѣ сохранилась на память и вразумленіе истиннымъ чадамъ Христовой вѣры. Она напоминаетъ собою исповѣдниковъ Христовой церкви, которыхъ тираны присуждали къ казнямъ и мукамъ, не зная того, что кровь страдальцевъ была для вѣрующихъ благодатнымъ обѣтованіемъ и залогомъ новой лучшей жизни. И кто знаетъ? Быть можетъ пламя войны еще не разъ коснется священныхъ стѣнъ Болдиной обители, но она выдержитъ всѣ напоры враждебныхъ силъ и не только сама сохранится невредимою, но всегда будетъ возбуждать и поддерживать падающихъ, труждающихся и обремененныхъ. И сбудутся надъ ней слова Боговидца Давида: *я былъ молодъ и состарѣлся и не видалъ праведника оставленнымъ и потомковъ его просящими хлѣба* (Пс. 36, 25).

Хотя Господь Богъ видимо хранилъ наслѣдіе Пр. Герасима, однако указанная бѣдствія не прошли безслѣдно для обители, какъ проходятъ надъ засѣянными полями легкія тучки, не орошая, но и не повреждая ихъ. Напротивъ, съ нею было то, что часто случается на полѣ брани: воинъ получаетъ тяжелыя раны въ пылу битвы за родину и падаетъ въ изнеможеніи, не имѣя силъ поднять руку для своей защиты. Въ это время его врагъ, какъ коршунъ, налетаетъ на него и, пользуясь безсиліемъ пораженнаго, уноситъ его оружіе, трудовыя деньги, одежду и вмѣстѣ съ ней письма, подарки дорогихъ людей, словомъ все, цѣнное и святое для раненаго. Когда обитель Пр. Герасима на время теряла силы и не могла защищаться отъ вражескихъ ударовъ, ея сокровища подвергались хищенію, а святыни поруганію. Ея храмы разграблялись и разорялись, богослужебныя одежды и церковная

утварь расхищались, монастырская казна уносилась, документы и бумаги уничтожались. Поэтому то въ архивѣ монастыря нѣтъ царскихъ грамотъ на владѣніе землями и угодьями, нѣтъ записей о многихъ пожертвованіяхъ благочестивыхъ христіанцевъ, нѣтъ и другихъ документовъ, важныхъ для обители. Самое же главное нѣтъ достовѣрныхъ письменныхъ свѣдѣній или замѣтокъ о жизни Пр. Герасима, его трудахъ по устройенію обители, положеніи и правахъ монастыря при немъ и т. п. Благодаря этому среди братіи, жившей въ Болдиной обители, мало по малу утвердилась мысль, что и совсѣмъ нѣтъ никакъ письменныхъ свѣдѣній о жизни, преставленіи и чудесахъ Пр. Герасима. Чѣмъ живѣе была эта мысль, тѣмъ сильнѣе старалась братія сохранять въ своей средѣ и сообщать на сторону устное преданіе о жизни и подвигахъ Преподобнаго. Путемъ такого преданія, переходившаго изъ рода въ родъ, отъ сѣдаго старца къ юному послушнику, подвижникамъ Болдиной обители были извѣстны важнѣйшія черты изъ жизни Св. Герасима. Но эти свѣдѣнія были отрывочны, неполны, неопредѣленны, а самое главное они могли быть достояніемъ сравнительно меньшаго круга лицъ, желавшихъ назидаться примѣромъ жизни Преподобнаго. Для многочисленныхъ почитателей его въ высшей степени желательно было имѣть полное и обстоятельное житіе. И такое сказаніе о немъ самымъ неожиданнымъ образомъ появилось на радость и утѣшеніе какъ братіи Болдиной обители, такъ и другимъ почитателямъ Пр. Герасима. Гдѣ всего естественнѣе и прямѣе было искать полнаго жизнеописанія св. основателя Болдина монастыря, какъ не въ стѣнахъ послѣдняго? Кому всего важнѣе и интереснѣе было сохранять письменныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности преподобнаго, какъ не его ученикамъ, подвижникамъ Болдиной обители? Взять для примѣра любую семью: не ей ли всего извѣстнѣе жизнь и характеръ лица, отъ котораго она ведетъ свое происхожденіе? И если преданья этой семьи записывались, гдѣ всего естественнѣе и понятнѣе храниться имъ, какъ не у ея потомковъ, хотя бы и очень отдаленныхъ отъ главнаго корня? Такъ было и съ жизнеописаніемъ Преподобнаго, которое, будучи составлено въ стѣнахъ Болдиной обители,

долго хранилось въ ней и не въ одномъ списокѣ, но въ бурныя времена, пережитыя обителю, пропало или нарочно уничтожено врагами нашей церкви—іезуитами. И однако Промыслу Божию чуднымъ образомъ угодно было сохранить житіе Преподобнаго тамъ, гдѣ повидимо-му оно могло быть всего меньше, вдали отъ основанной имъ обители.

Въ 1890 году Болдину монастырю удалось пріобрѣсти точныя копіи съ двухъ рукописей, повѣствующихъ о жизни, преставленіи и чудесахъ его основателя. Одна изъ нихъ хранится въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ подъ № 711, а другая въ Московской Румянцевской библіотекѣ въ сборникѣ Ундольскаго подъ литерою Д. Первая принадлежитъ перу ученика Пр. Герасима—Антонія, бывшаго игуменомъ Болдиной обители съ 1569 года до 11 октября 1585 года, когда онъ былъ посвященъ во епископа Вологодскаго¹. Всего вѣрнѣе, что передъ отправленіемъ на епископство Антоній, по просьбѣ братіи Болдиной обители, и написалъ житіе Преподобнаго, котораго зналъ лично. А можетъ быть оно написано еще въ то время, когда Антоній не былъ возведенъ въ званіе игумена и состоялъ въ числѣ братства Болдиной обители. Какъ бы то ни было, житіе, составленное Антоніемъ, явилось на свѣтъ не позже 30 лѣтъ по преставленіи Преподобнаго, когда были живы весьма многіе изъ 127 человекъ, составлявшихъ братію Болдиной обители въ годъ кончины ея основателя. Составитель, помимо близкаго знакомства съ жизнію Преподобнаго, не могъ внести въ житіе ничего неправдоподобнаго, лишняго, невѣрнаго уже потому, что его слова повѣрялись множествомъ свидѣтелей, хорошо знавшихъ дѣянія своего учителя. Житіе Преподобнаго Герасима, написанное Антоніемъ, отличается поэтому всѣми признаками достовѣрности. Отъ него такъ и вѣетъ спокойствіемъ, безпристрастіемъ и сознаниемъ великаго долга — говорить одну чистую, безпримѣрную истину. Другое житіе опредѣленно говоритъ о времени его написанія; въ концѣ его приписано: „сіе житіе Преподобнаго Герасима писалъ Гришка Жюковъ въ р̃ ч̃ д̃ л̃то”, т. е. въ 7194 году отъ сотворенія мира или въ 1686 году отъ Рождества Христова. Въ этой

¹) Строевъ, списки *іерарховъ*, изд. 1877 г. стр. 730.

рукописи, написанной въ подлинникѣ полууставомъ, не сообщается о жизни Преподобнаго въ сущности ничего новаго; его составитель заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы краснорѣчивѣе, цвѣтистѣе и пышнѣе изобразить сказанное вкратцѣ у Антонія. Но въ ней разсказаны чудеса, не упомянутыя у Антонія и совершившіяся очевидно послѣ его смерти, которымъ, по всей вѣроятности, велась запись въ монастырѣ, какъ это дѣлается и нынѣ. Разсказами о чудесахъ, совершившихся при мощахъ Преподобнаго въ XVI и XVII вѣкахъ, Жюковъ превосходно дополняетъ житіе Антонія, такъ что въ обоихъ рукописяхъ можно видѣть двѣ части одного цѣлаго². Жизнеописанія Антонія и Жюкова представляютъ изъ себя какъ бы одинъ свитокъ, который десница Божія раздѣлила на двѣ половины и первую положила на храненіе въ новѣйшей, а вторую въ древней столицѣ Россіи. Зная отъ вѣка, что обитель испытаетъ много горя, что сказаніе о жизни Преподобнаго можетъ легко затеряться, если останется лишь въ стѣнахъ Болдина монастыря, Господь полагаетъ на храненіе житія вѣрнаго раба своего въ обоихъ столицахъ земли Русской. Такъ поступаютъ и мудрые домоправители, которые оставляютъ завѣщаніе въ двухъ спискахъ, чтобы непременно уцѣлѣлъ одинъ, если случайно пропадетъ другой. Въ этомъ чудесномъ сохраненіи двухъ жизнеописаній Преподобнаго Герасима вдали отъ мѣста его подвиговъ, не смотря на всѣ бури, испытанныя обителью, нельзя не видѣть прямого подтвержденія неложныхъ словъ св. Писанія: въ память вечную будетъ праведникъ, отъ слуха зла не убоится (Пс. III, 6—7). Эти слова оправдаются еще больше, если каждый читатель житія поглубже напечатлѣетъ въ сердцѣ образъ Преподобнаго, проникнется его мыслями и чувствами и будетъ сообразоваться въ своей жизни съ его завѣтами и заповѣдями. Пусть же житіе св. Герасима сохраняется въ вѣчную память о немъ не на бумагѣ только, а въ душахъ и умахъ тѣхъ людей, которые прочтутъ его!

---

²) Поэтому при настоящемъ изданіи за основаніе взято житіе, составленное Антоніемъ, къ нему по временамъ дѣлаются добавленія изъ житія Жюкова. Въ выноскахъ цифры I, 2, напр., означаютъ по (первому) житію Антонія глава вторая, II, 4 — по (второму) житію Жюкова гл. 4.

Рожденіе и воспитаніе Пр. Герасима, его постриженіе и подвиги подь руководствомъ Пр. Даніила, Переяславскаго Чудотворца.

Пр. Герасимъ, Болдинскій Чудотворецъ, родился въ 1489 году въ Переяславлѣ Залѣскомъ, небольшомъ городкѣ теперешней Владимірской губерніи. Отець его Михаилъ и мать Марія, по замѣчанію жизнеописателя „быша правдиви предъ Богомъ и людьми и добродѣтельнымъ житіемъ богобоязненно украшени“ (II,—2). Чистая жизнь родителей положила въ душу младенца, названнаго во св. крещеніи Григоріемъ, первыя сѣмена истины, непорочности и добродѣтели. Попавъ въ живую воспріимчивую душу ребенка, орошаемая благодатію св. Духа, эти сѣмена не замедлили дать чудные всходы. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ отрокъ Григорій сталъ проявлять особые привычки, которыя дѣлали его непохожимъ на другихъ дѣтей. Капризы, своенравіе, своеволіе столь обыкновенныя въ раннемъ возрастѣ, были совсѣмъ чужды Григорію; шутки и забавы, игры и шалости сверстниковъ не занимали его. Онъ любилъ оставаться одинъ и погружаться въ свою душу, обдумывая и обсуждая то, что дѣлалось кругомъ его. Углубляясь мыслью во все окружающее, онъ больше и больше прилѣплялся своимъ разумомъ къ Той великой и непостижимой Силѣ, которой движется существующее. Онъ искалъ своимъ дѣтскимъ умомъ, гдѣ живетъ эта Сила, какъ она управляетъ всѣмъ, какъ каждый предметъ зависитъ отъ Нея.

Эти вопросы волновали и возбуждали пытлившую душу Григорія и неотступно требовали отвѣта. Посѣщая храмъ вмѣстѣ съ своими боголюбивыми родителями, онъ находилъ для себя въ немъ много утѣхи и радости: здѣсь, думалъ онъ, живетъ и отсюда дѣйствуетъ Та Великая Сила, которая все держитъ и все направляетъ. Поэтому его влекло въ церковь, и каждодневное посѣщеніе ея стало любимымъ его занятіемъ. Слушая чтеніе Слова Божія, внимая пѣнію псалмовъ, глядя на мерцаніе лампадъ и свѣчей, взирая на иконы и изображенныхъ на нихъ угодниковъ, отрокъ Григорій чувствовалъ, что его мысль, его умъ уносятся туда въ верхъ, въ безпредѣльное голубое небо. Тамъ, вверху, въ иномъ мірѣ, непохожемъ на здѣшній, живетъ Богъ, окруженный святыми ангелами, которые день и ночь воспѣваютъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля Славы Твоея. И этотъ небесный горній міръ привлекалъ къ себѣ все вниманіе Григорія; въ немъ было такъ много величія и таинственной, непонятной прелести. Въ церковномъ воздухѣ, при блескѣ свѣчъ и лампадъ, вблизи святыхъ угодниковъ, душа отрока исполнялась страхомъ, но какимъ то особымъ, не похожимъ на обыкновенный страхъ. Отъ страха, который проникалъ въ душу Григорія во время богослуженія, не было тяжело на сердцѣ, а свѣтло, тепло и радостно. Этотъ страхъ соединялся съ надеждою, что стоитъ исправить и очистить жизнь и на сердцѣ будетъ такъ легко, какъ если бы тяжелое бремя спало съ него. Мало по малу страхъ перешелъ въ умиленіе предъ невидимымъ Всемогущимъ Богомъ, который все видитъ, вездѣ присутствуетъ, отъ Котораго не скрыто ни одно тайное движеніе сердца. Къ умиленію присоединилось новое чувство благоговѣнія предъ Всемиловитымъ и Любвеобильнымъ Отцомъ всѣхъ людей—Богомъ, Который, пребывая на небесахъ, готовъ каждую минуту откликнуться на призывъ грѣшной души. Такъ церковь съ ея молитвами, обрядами, таинствами влила въ Григорія силы, которыхъ незамѣтно у обыкновенныхъ людей, согрѣвала его всю жизнь и указывала путь къ небу. Усердно посѣщая храмъ Божій, онъ выносилъ изъ него такія впечатлѣнія, отъ которыхъ на душѣ становилось покойно, легко и согласно. Послѣ этого мира

и покоя, невзгоды и неудачи, столь частыя въ заурядной будничной жизни, не могли встревожить и огорчить Григорія. Мало по малу онъ такъ свыкъся съ церковію, что жизнь внѣ храма, въ домѣ родителей, перестала быть для него привлекательной. Онъ сталъ чувствовать себя дома не тогда, когда вмѣстѣ съ отцомъ и матерью садился за трапезу, а когда прислушивался къ мѣрному чтенію каѳизмъ и возгласамъ священнослужителей. Церковная служба стала для него пищей и питьемъ, безъ нея онъ также не могъ жить, какъ птица безъ воздуха и рыба безъ воды.

Полюбивъ всею душою церковное богослуженіе, онъ стремился туда, гдѣ оно отправлялось съ наибольшимъ чувствомъ и умиленіемъ, гдѣ оно было продолжительнѣе и благолѣпнѣе. Въ Переяславлѣ находился и теперь находится Горицкій во имя Пр. Богородицы монастырь, который отличался величіемъ богослуженія и строгой жизнью монашествующихъ. Сюда то и сталъ приходить Григорій для молитвы, пользуясь всякой свободной минутой. Долгое монастырское служеніе, съ старинными заунывными напѣвами, сильно трогало его, настраивало его мысли и чувства на особый торжественный и вмѣстѣ грустный тонъ. Въ его сердце проникала та благодатная по Бозѣ печаль, которая, по слову св. апостола, производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію (2 Кор. 7, 10). Чаше и чаще посѣщая монастырь, больше и больше привыкая къ нему, блаженный Григорій вмѣстѣ съ тѣмъ привязывался и къ инокамъ, подвижникамъ обители. Среди нихъ отличался своею строгой и праведной жизнью Данииль, производившій на всѣхъ богомольцевъ монастыря сильное впечатлѣніе. Каждый посѣтитель обители считалъ своимъ прямымъ долгомъ зайти въ келью старца Даниила и получить отъ него благословеніе. Вмѣстѣ съ другими и Григорій часто бывалъ у великаго старца, чтобы попросить благословенія или побесѣдовать о спасительныхъ истинахъ вѣры. Пр. Данииль оказывалъ на Григорія неотразимое вліяніе: послѣ каждой бесѣды чуткая душа его сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ старцу — подвижнику. Наконецъ, не бывать въ Горицкомъ монастырѣ, не видѣть великаго старца и другихъ подвижниковъ, стало великимъ огор-

ченіємъ для Григорія „И любляше Даниловъ монастырь”, говорить жизнеописатель преподобнаго „паче дома родителей своихъ и старца Данила любляше паче всѣхъ и прочихъ старцевъ любляше паче сродниковъ своихъ”. (I, 1). Такъ жизнь Григорія какъ бы распалась на двѣ жизни: одною онъ жилъ въ монастырѣ, другою въ мірѣ; одна была тиха, мирна; другая полна огорченій и непріятностей. Въ монастырѣ все напоминало о Богѣ, смерти и грядущемъ за нею блаженствѣ, въ мірѣ многое отвлекало отъ вѣры и благочестія. Тамъ былъ свѣтъ и теплота, здѣсь мракъ и холодъ, тамъ духовное торжество и радость, здѣсь непріятности и огорченія. Тамъ тишина, согласіе и миръ, здѣсь шумъ, распри и раздоры. Благочестивая душа Григорія не могла долго колебаться, какой родъ жизни избрать и какой оставить, переселиться навсегда въ обитель и жить, или остаться въ мірѣ и прозябать подобно травѣ безъ влаги и тепла. И вотъ въ 13 лѣтъ онъ рѣшается оставить міръ на вѣки и жить для Бога.

„Прииде Григорій“, говорить жизнеописатель „и припаде къ ногамъ святаго старца Данила и начать молити его со слезами, дабы постригъ его въ иноческій образъ. Преподобный же старецъ возбраняше ему, глаголя: чадо, юну ти сущу како имаше понести труды иноческаго житія и подвизатися? много бо потребно терпѣнія во иноческомъ образѣ. Григорій же, моля старца, отъ ногъ его не востая, слезами землю орошая, глаголетъ: отче святой, не отрини мене грѣшнаго отъ твоея святыни; молитвами твоими надежду имамъ вся полезная сотворити, точію не отрини мене отъ твоея святыни“ (I, 1). Богомудрый старецъ провидѣлъ, что юноша, съ слезами и на колѣнахъ умоляющій его о принятіи въ иноческій санъ, будетъ великимъ подвижникомъ и прославить святую церковь. Онъ постригъ Григорія въ монашество и нарекъ ему имя Герасимъ, причемъ взялъ новопостриженнаго подъ свое руководство въ духѣ вѣры и церковныхъ преданій. Герасимъ со всѣмъ жаромъ, къ какому была способна его великая душа, отдался новой для него жизни въ монашествѣ. Онъ исполнялъ всѣ монастырскія послушанія, какія только возла-

гались на него для пользы и нужды обители. Около этого времени его духовный отец и учитель Пр. Данииль основывалъ въ верстѣ съ половиной отъ Переяславля свой особый Троицкій монастырь, который впослѣдствіи получилъ названье Данилова. Монастырь строился на „божедомьи“, т. е. на мѣстѣ, гдѣ была богадѣльня, призрѣвавшая увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, неспособныхъ къ работѣ, и долженъ былъ взять на себя заботу объ этихъ несчастныхъ. Уходу за ними и были посвящены труды новопостриженнаго инока Герасима. Онъ рубилъ дрова, мололъ муку на ручныхъ жерновахъ, помогаль въ печеніи хлѣбовъ, готовилъ одежду и проч. Самое же главное его послушаніе состояло въ изготовленіи обуви для „божедомныхъ людей“, почему среди братіи Горицкаго монастыря онъ и назывался „кожешвецъ“ (сапожникъ). Помимо необыкновеннаго трудолюбія и готовности во всякое время дня и ночи сдѣлать нужное для каждаго, Герасимъ отличался рѣдкимъ добронравіемъ, кротостію и мягкостію. Ни одно рѣзкое или грубое слово не выходило изъ его усть. Онъ не могъ сдѣлать ничего, чтобы обидѣло или раздражило ближняго. Благодаря этимъ качествамъ онъ приобрѣлъ любовь всѣхъ, жившихъ вмѣстѣ съ нимъ въ обители, особенно же самага старца Даниила. Послѣдній старался подкрѣплять его своими совѣтами и наставленіями и нерѣдко возносилъ горячія молитвы къ Богу, чтобы Онъ благословилъ весь жизненный путь молодого подвижника. Въ одной кельѣ съ великимъ старцемъ Пр. Герасимъ прожилъ 20 лѣтъ, ежедневно и ежечасно видя предъ собой примѣръ строгой, чистой и богоугодной жизни подвижника. Вмѣстѣ съ Пр. Данииломъ онъ жилъ въ Горицкомъ монастырѣ, съ нимъ же переселился въ Троицкій куда прибылъ на игуменство св. Данииль и взялъ съ собою Герасима, своего помощника по устроению монастыря. Прошедши школу послушанія подъ руководствомъ такого строгаго подвижника, какъ Данииль, Пр. Герасимъ настолько укрѣпился духовно, что въ состояніи былъ побѣждать страшные соблазны міра. Посему Пр. Данииль позволилъ Герасиму жить въ особой кельѣ и исполнять заповѣди Господни по указаніямъ Слова Божія и совѣсти, а не по руководству старцевъ. „И егда живяше Герасимъ въ

своей кельѣ, начать тогда труды къ трудамъ прилагати и подвиги къ подвигамъ, въ постѣ и молитвѣ безпрестанной день и ночь безъ сна пребываше” (I, 1). Ударъ колокола къ заутренѣ, будившій другихъ отъ сна, очень часто заставлялъ Пр. Герасима бодрствующимъ и стоящимъ на молитвѣ и онъ, отъ частной молитвы въ кельѣ, переходилъ къ молитвѣ общественной въ церкви. Чѣмъ больше Герасимъ сживался съ монастыремъ, съ его духомъ, обычаями и уставами, тѣмъ слабѣе становились связи, соединявшія его съ міромъ, но все же эти связи были. Монастырь никогда не порываетъ сношеній съ міромъ; въ его стѣны приходятъ богомольцы и вмѣстѣ съ ними вѣсти и мысли, волнующія міръ; члены монастырской братіи по временамъ сами являются въ міръ для удовлетворенія разныхъ нуждъ монастыря и невольно входятъ въ столкновеніе съ мірскою жизнію. Такъ или иначе мутныя волны мірской жизни приливаютъ къ стѣнамъ обители и, хоть на самое короткое время, отвлекаютъ отъ молитвеннаго настроенія людей, укрывшихся за ея стѣнами. Поэтому у Пр. Герасима, хотѣвшаго самой совершенной жизни, явилась мысль уйти въ какое нибудь пустынное мѣсто, чтобы тамъ, вдали отъ міра и его суеты, отдать всю свою жизнь на служеніе Богу. Тамъ, думалось ему, вдали отъ всего житейскаго, среди лишеній и опасностей, сердце загорится болѣе сильною любовью къ Богу и исполнится самой непоколебимой надеждой на Него. Тамъ, вдали отъ людей, отъ ихъ совѣтовъ и дружескаго участія, легче прилѣпиться всею душою и всѣми помыслами къ единому мудрому Совѣтнику Богу. И вотъ онъ идетъ къ своему наставнику старцу Даніилу и объясняетъ ему свое желаніе—уйти въ пустынное, безлюдное мѣсто, чтобы безъ всякихъ помѣхъ отдаться служенію Богу. Мудрый старецъ отклоняетъ Герасима отъ его мысли, указываетъ на опасности, лишенія и бѣдствія пустынножительства, которыя могутъ надломить самую сильную душу. Онъ совѣтуетъ ему нести труды и подвиги въ монастырѣ, гдѣ нѣтъ опасностей и особенныхъ лишеній, гдѣ нѣтъ основанія для ропота и недовольства. Преподобный покрывается голосу старца, съ большой силой отдается молитвѣ и посту, но мысль о пустынножествѣ попрежнему не оставляетъ его. Въ

этомъ молитвенномъ приготовленіи къ пустынножительству прошло еще шесть лѣтъ: любовь къ уединенію за это время достигла у Преподобнаго сильнаго напряженія. Ему становится какъ будто душно въ стѣнахъ монастыря, гдѣ трудно молиться, чтобы не замѣтили другіе; онъ хочетъ молиться въ тайнѣ, среди нѣмой неодоушевленной природы, въ присутствіи одного Творца, вдали отъ всѣхъ человѣческихъ взоровъ. „И начаше“ говоритъ жизнеописатель, „молити старца со слезами, глаголя: Отче, отче! не презри своего чада, исполни прошеніе раба твоего, отпусти Бога ради и даруй мнѣ молитвы своя спутешествующія и спребывающія ми во вся дни до скончанія живота моего” (I, 1). Видя непреклонное желаніе своего ученика, зная твердость его характера и тяготѣніе къ чистой жизни, богомудрый старецъ рѣшилъ не удерживать его долѣе въ стѣнахъ обители. Въ послѣдній разъ онъ напоминаетъ ему о трудностяхъ пустынножизни, призываетъ на него благословеніе Божіе и отпускаетъ на новые тяжелые подвиги. “Буди чадо благословеніе Божіе на тебѣ“, говоритъ старецъ „и Пречистая Богородица да будетъ во всемъ тебѣ помощница и заступница. Мужайся и крѣпись на ополченіе враговъ видимыхъ и невидимыхъ, много имать быти ти искушеній отъ исконнаго врага рода человѣческаго и злыхъ людей, нанести имущихъ ти лютыя скорби, но убо сила ихъ немощна противу помощи Божіей (I, 1) Преподобный Герасимъ выслушалъ послѣдній завѣтъ дорогаго учителя, принялъ благословеніе, простился съ старцемъ и братіей, съ храмами, въ которыхъ молился и оставилъ обитель на вѣки. Что найдетъ онъ впереди, взамѣнъ богомудраго подвижника—учителя и братіи, съ которыми сросся, какъ срастаются вѣтви на одномъ древесномъ стволѣ? Къ кому прибѣгнетъ за совѣтомъ и утѣшеніемъ, если бѣды и напасти надломаютъ его силы, поколеблютъ его душу и сердце? Эти и подобныя мысли, какъ тяжелые камни, давили его грудь и вызывали на его очи слезы. Только надежда на помощь Божію, какъ солнечный лучъ, падающій въ глубокое подземелье, освѣщала и согрѣвала сердце Преподобнаго, объятое скорбію.

Прибытіе Пр. Герасима въ окрестности Дорогобужа и основаніе Болдиной обители.

По уходѣ изъ Данилова монастыря Преподобный долго искалъ мѣста для своихъ святыхъ подвиговъ. Онъ побывалъ во многихъ пустынныхъ мѣстахъ, посѣтилъ не мало глухихъ дебрей и лѣсовъ, пока не пришелъ въ окрестности Дорогобужа 25 марта 1528 года. Въ то время около Дорогобужа на большомъ протяженіи земля была покрыта густымъ дремучимъ лѣсомъ, чрезъ который шла Московская дорога. Только здѣсь на этой дорогѣ и можно было видѣть присутствіе человѣка, въ глуши же лѣса свободно бродили звѣри и пресмыкались ядовитыя змѣи, никого не боясь и не стѣснясь. По сторонамъ дороги были притоны разбойниковъ, которые грабили и убивали путниковъ, вынужденныхъ проходить или проѣзжать этой безлюдной мѣстностью. Здѣсь, невдалекѣ отъ Московской дороги, Преподобный поставилъ себѣ „хижину малу» и началъ подвижническую жизнь въ тишинѣ и безмолвіи, удаленный не только отъ человѣческихъ взглядовъ, но и отъ людскаго жилья. Одинъ, среди глухаго лѣса, въ своей убогой хижинѣ, ничѣмъ не защищенной ни отъ звѣрей, ни отъ злыхъ людей, Преподобный сталъ испытывать ужасъ. Его душу начали осаждать разныя видѣнія, которыя вызываюся страхомъ и являются неизбѣжными его спутниками. Отъ тяжести этихъ видѣній и призраковъ могъ заколебаться даже такой сильный духъ, каковъ былъ у Преподобнаго, если бы его не подкрѣпляла спасительная сила молитвы. Чѣмъ страшнѣе становилось ему отъ одиночества, безлюдья, глуши, рева голодныхъ звѣрей, тѣмъ пламеннѣе онъ молился Всевышнему и усерднѣе осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Надежда на любовь, милосердіе и помощь отъ Бога была его единственнымъ подкрѣпленіемъ. Съ нимъ не было ни одной разумной души, никто не пришелъ бы къ нему, если бы онъ сталъ звать на помощь, не протянулъ бы участливо руку, если бы ослабѣли его собственныя силы. Одинъ Богъ и Его святая воля были защитой для

подвижника, только къ Господу Силь онъ могъ взывать о помощи, только Его сильная десница могла отстранить отъ него ужасъ и напасти. Къ этимъ опасеніямъ и страху не замедлили присоединиться другія бѣдствія, въ которыхъ должна была укрѣпиться душа подвижника. По наущенію виновника всего злаго—діавола, на отшельника стали нападать разбойники, которые видѣли въ немъ человѣка, бывшаго для нихъ живымъ укоромъ за ихъ нечистую и порочную жизнь. „Овогда же, замѣчаетъ жизнеописатель, „мимоходящіи свирѣпшіи человѣцы, не боящеся Бога, ругахуся Преподобному, злѣ біюще и влачаще его“ (II, 2). Дорогобужскій край былъ рубежемъ между Польшей и Русью и въ немъ было не мало людей, которые не принадлежали ни тому, ни другому государству. Это были скитальцы, жадные до одной добычи, свирѣпые, не знавшіе законовъ и не боявшіеся ни суда Божьяго, ни суда человѣческаго. Для такихъ грубыхъ и жестокихъ людей было удовольствіемъ мучить отшельника, который своими подвигами громче воинской трубы возвѣщалъ о другой жизни за гробомъ, о судѣ и воздаяніи, о кротости и смиреніи. Людямъ, которые стремились къ однимъ благамъ этой непостоянной жизни и только ими одними дорожили, была не по нраву святая жизнь Герасима. На Преподобнаго воздвигали гоненіе и поселяне, которые жили на окраинахъ лѣса. Считая лѣсъ своей собственностью, они видѣли въ Преподобномъ чужанина, который, поселившись въ ихъ предѣлахъ, пожалуй станетъ спорить съ ними изъ за владѣнія землей. Не понимая, что Преподобный, живя на землѣ, былъ чуждъ всему земному, они сочли его своимъ врагомъ, своимъ соперникомъ, способнымъ отнять или уменьшить ихъ права. Чтобы прогнать его съ занятаго мѣста, они издѣвались надъ нимъ, били его, связывали его веревками и даже покушались утопить его. Но святой все сносилъ съ терпѣніемъ и безъ ропота. Въ этихъ гоненьяхъ, поруганіяхъ и побояхъ онъ видѣлъ испытанія, которыя укрѣпляютъ вѣру въ Бога, надежду на Его помощь и вселяютъ охлажденіе ко всему земному, грѣховному. Бѣшенныя волны, обрушиваясь на непоколебимую скалу, не приносятъ ей вреда, а наоборотъ полируютъ и шлифуютъ ее. Такъ и преслѣдованія злыхъ людей нима-

ло не потрясли могучаго духа отшельника, а скорѣе закалили его и сдѣлали твердымъ подобно алмазу. Къ гоненьямъ присоединилась страшная нужда, благодаря безлюдности мѣста и удаленію отъ человѣческаго жилья. У подвижника не было самаго необходимаго: пищи, одежды, обуви, защиты отъ звѣрей и непогоды. Обратиться за этимъ было не къ кому, потому что святаго встрѣчали враждебно недобрые люди, бродившіе и жившіе на окраинахъ лѣса. Одна надежда была на Всемогущаго Бога, который одѣваетъ всякій цвѣтокъ въ полѣ, питаетъ самыхъ малыхъ птенцовъ, безъ воли котораго не падетъ и волосъ съ головы человѣческой. Къ Богу — защитнику всѣхъ труждающихся, обремененныхъ, придавленныхъ гнетомъ обиды и недостатка и обращается Герасимъ съ горячей молитвой. Въ тиши уединенія, среди безлюднаго лѣса, вдали отъ шума и борьбы, наполняющихъ обыденную жизнь, подъ кровомъ звѣзднаго неба, при видѣ опасности, молитва Преподобнаго пріобрѣтаетъ особенную силу и мощь. Любвеобильный Отецъ всѣхъ внемлетъ пламеннымъ мольбамъ своего вѣрнаго раба и посылаетъ ему чудесное избавленіе отъ нужды. По особому вдохновенію свыше, Преподобный ставитъ при дорогѣ кузовъ для сбора милостыни, которая могла бы избавить его отъ голодной смерти. Въ свободное отъ молитвы время, онъ самъ садился при пути, чтобы обращаться съ просьбами о подаяніи къ мимоходящимъ людямъ. И многіе изъ проходившихъ по дорогѣ чрезъ лѣсъ клали въ тотъ кузовъ хлѣбъ, деньги, обувь и одежду, словомъ все, въ чемъ могъ нуждаться отшельникъ. И всякій, кто подавалъ Преподобному, его молитвами сохранялся отъ бѣдъ и напастей: путь его былъ миренъ и благоустроенъ, онъ не попадалъ въ руки разбойниковъ, не встрѣчался съ кровожадными звѣрями и не терпѣлъ никакого вреда. Кто же въ безсердечіи проходилъ мимо кузова и не давалъ подвижнику милостыни, неминуемо терпѣлъ наказаніе: или разбойники пападали на него, или погибали лошади, на коихъ онъ совершалъ путь, или онъ сбивался съ дороги и не доѣзжалъ, куда нужно. Такимъ образомъ, при помощи кузовца, поддерживалъ свою жизнь Преподобный и этотъ кузовецъ былъ единственнымъ его сокровищемъ: въ его убогой хи-

жинѣ не было рѣшительно ничего. Отъ кузовца питался не одинъ Преподобный, но и многіе изъ странниковъ и убогихъ, которымъ приходилось путешествовать вблизи мѣста, избраннаго Герасимомъ для подвиговъ. Всякій, кто имѣлъ дѣйствительную нужду, спокойно бралъ изъ кузовца, что было въ немъ и совершалъ свой путь благополучно. Кто бралъ безъ нужды, по жадности, сбивался съ своего пути, не могъ отойти отъ кузовца и блуждалъ около него до тѣхъ поръ, пока не догадывался и не клалъ обратно въ кузовъ того, въ чемъ не имѣлъ нужды. Послѣ этого открывались глаза путника и онъ спокойно шелъ, куда ему слѣдовало. Но не въ этомъ одномъ выразилась помощь, которую Господь Промыслитель оказывалъ Преподобномъ Герасиму за время его жизни въ глухомъ Дорогобужскомъ лѣсу. Преподобный и среди безлюднаго лѣса, населеннаго одними звѣрями и птицами, по волѣ Божіей нашель себѣ защитника. Вблизи его хижины, на вершинѣ дерева, свиль себѣ гнѣздо воронъ, который, въ отсутствіе святаго, оберегалъ его жилище. Если звѣрь или бродячій человѣкъ покушался войти въ хижину или приблизиться къ ней, воронъ поднималъ страшный крикъ и начиналъ бить крыльями того, кто вздумалъ бы войти въ жилище подвижника. Иногда воронъ защищалъ кузовъ, поставленный при дорогѣ и такъ же, какъ отъ хижины, отбивалъ отъ него нежелательныхъ гостей. Одинъ изъ окольныхъ жителей, по прозванію Куча, зашедши въ глубь лѣса на охоту и приблизившись къ кузову Преподобнаго, былъ свидѣтелемъ, какъ храбро воронъ защищалъ имущество св. Герасима. Одновременно съ Кучей къ кузову подходилъ съ другой стороны голодный медвѣдь; испуганный Куча влѣзъ на дерево, чтобы спастись отъ звѣря. Медвѣдь приблизился къ кузову и хотѣлъ воспользоваться пищею, которая была тамъ, какъ вдругъ вылетѣлъ изъ вѣтвей дерева воронъ, началъ кричать и бить по головѣ звѣря, отгоняя его отъ пищи инока. Медвѣдь съ упорствомъ, нѣсколько разъ, подходилъ къ кузову и всякій разъ воронъ удерживалъ его, ударяя его по головѣ своими крыльями и страшнымъ крикомъ приводя звѣря въ смущенье. И звѣрь долженъ былъ уйти отъ кузова назадъ въ глубь лѣса, не утоливъ своего голода.

По прошествіи двухъ лѣтъ со времени поселенія Преподобнаго при Московской дорогѣ въ Дорогобужскомъ лѣсу ему было видѣніе, когда онъ однажды въ глубокой ночи совершалъ свои моленія. Преподобный ясно услышалъ невдалекѣ отъ своей хижины въ высшей степени пріятный и стройный звонъ какъ бы множества колоколовъ, искусно подобранныхъ одинъ къ другому. Сначала подвижникъ не придалъ значенія этому, но когда благовѣсть повторился въ слѣдующія двѣ ночи, онъ задумался, что бы могло значить это явленіе. Вставши рано утромъ и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, Преподобный отправился въ ту сторону, откуда въ ночной тиши раздавался звонъ, когда онъ стоялъ на молитвѣ. Идя все въ одномъ направленіи по лѣсу, Герасимъ прибылъ на мѣсто, поразившее его своею красотой и какъ бы нарочно приготовленное для поселенія среди недоступнаго и непроходимаго лѣса. Мѣсто это представляло изъ себя довольно большую поляну; по одной сторонѣ ея извивалась рѣчка, позднѣе получившая названіе Болдины³. Середина поляны была гладка, суха, возвышенна, какъ бы приподнята; отъ этого возвышенія къ рѣчкѣ мѣстность спускалась отлогимъ скатомъ. На возвышеніи росъ величественный дубъ, раздѣлявшійся вверху на три мощныя вѣтви, до того густой и покрытый листвою, что капли дождя не могли промочить человѣка, который пожелалъ бы укрыться подъ его сѣнью. Эта поляна съ рѣчкой и могучимъ дубомъ, окаймленная густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, весьма понравилась отшельнику, и онъ рѣшилъ устроиться злѣсь навсегда⁴. Сотворивъ, по обычаю своему, продолжительную и

³) Отъ рѣчки Болдины получилъ названіе и самый монастырь, выстроенный Пр. Герасимомъ.

⁴) Примечаніе. Прибытіе Преподобнаго на это место, гдѣ и понынѣ находится Болдинъ монастырь, относится, какъ видно изъ обоихъ житій, къ 1530 году. Въ 1828 году, сказано въ житіяхъ, Преподобный впервые поселился при Московской дорогѣ, ближе къ Дорогобужу, гдѣ и прожилъ два года. Черезъ два года онъ передвинулся и пріютился подъ вѣтвями дуба, который по настоящее время находится среди монастыря при особой часовнѣ. Слѣдовательно, принимая поселеніе Св. Герасима на описанномъ мѣстѣ за основаніе монастыря, нужно признать, что оно совершилось не въ 1528 году, какъ думаютъ вслѣдъ за Амвросіемъ и Строевымъ всѣ изслѣдователи, а два года позже, именно въ 1530 году.

горячую молитву къ Богу, единственной защитѣ въ глубинѣ нѣмаго лѣса, Преподобный началъ устроить себѣ „келейцу малу.“ Пока строилась его келейца, онъ нашель гостепріимный пріютъ подѣ кровомъ дуба, который росъ на возвышеніи, посреди поляны. По мѣрѣ того, какъ подвигалась его постройка, все большія и большія огорченія сыпались на одинокую главу его. Окрестные жители, встревоженные тѣмъ, что въ сосѣдствѣ съ ними селится неизвѣстный челоуѣкъ, занимаетъ ихъ мѣсто и уменьшаетъ ихъ владѣніе, начали дѣлать ему разныя „пакости.“ „И оніи злые челоуѣцы,» говоритъ жизнеописатель, „видѣвше яко вселяется Преподобный на мѣсто сіе, возненавидѣша его паче прежняго, много ему зла творяху, хотяще святаго изгнати, называюще оное своимъ мѣстомъ и приходяще на Преподобнаго съ оружіемъ, овіи біюще его немилостиве, овіи хотяще его оружіемъ посящи, овіи пробости, овіи огнемъ сожещи, а иніи связавше ужима влечаху его, хотяще его ввергнути въ озеро и ина безчисленная злая творяху ему“ (I, 3). Болѣе благоразумные изъ ненавистниковъ Преподобнаго, не желая совершать надъ нимъ судъ и расправу своими руками, считали за лучшее обвинить его предъ намѣстникомъ Дорогобужа и добиться, чтобы онъ удалилъ Герасима изъ Дорогобужскихъ предѣловъ. Взявъ съ собой дары, они принесли жалобу намѣстнику на подвижника; намѣстникъ распорядился, чтобы отправлены были люди— привести Герасима. Посланные связали Преподобнаго и съ ругательствами и побоями привели его къ намѣстнику, который безъ особенныхъ разбирательствъ порѣшилъ заключить подвижника въ темницу. Преподобный, не стараясь доказать своей невинности предъ неправеднымъ судіей, молился Нелицепріятному Судіи—Богу, чтобы Онъ избавилъ своего раба отъ этой новой напасти. И Господь не замедлилъ отвѣтить на молитвенный вопль подвижника. Въ то время, какъ онъ поруганный и избитый еще стоялъ въ судной избѣ, къ Дорогобужскому намѣстнику пріѣхалъ посланный Московскаго Царя. Увидѣвъ Преподобнаго, онъ поклонился ему до земли и попросилъ его святаго благословенія, такъ какъ неоднократно встрѣчалъ Герасима въ Москвѣ у царя и хорошо зналъ его. Въ то время на Москвѣ

быль царёмъ и великимъ княземъ Василій Іоанновичъ, у котораго учитель Преподобнаго—Даніиль Переяславскій крестиль сына, впоследствии Грознаго царя. Между воспріемникомъ и Василіемъ Іоанновичемъ всегда были сношенія и Герасимъ, самый любимый ученикъ Даніила, часто бывалъ въ Москвѣ съ разными порученіями отъ своего учителя къ князю. Поэтому Герасима хорошо знали какъ самъ великій князь, такъ и всѣ его бояре и очень почитали его за его чистую и праведную жизнь. Намѣстникъ пришелъ въ ужасъ при видѣ почета, какой воздавалъ поруганному подвижнику царскій посланный и обратился къ послѣднему съ просьбой рассказать, кто былъ Герасимъ. Когда посланный сообщилъ намѣстнику о богоугодной жизни Герасима, неправедный судія палъ къ ногамъ святаго и молилъ его о прощеніи: „прости меня, Бога ради, за злодѣяніе, совершенное мною въ невѣдѣніи“. Преподобный съ кротостью отвѣтилъ: „Богъ да простить тебя, господинь, это не твое дѣло, но общаго врага нашего спасенія—дѣвола, ненавидящаго все доброе въ человѣкѣ“ (II, 3). Получивъ прощеніе и благословеніе отъ Преподобнаго, намѣстникъ позволилъ ему жить, гдѣ онъ хочетъ, безъ всякаго страха и опасенія отъ враговъ—поселянъ. Онъ одарилъ Преподобнаго милостыней и издалъ распоряженіе, чтобы окрестные жители никогда и ни въ чемъ не обижали отшельника. Въ послѣдующее время онъ часто посылалъ Преподобному подаянія, лично посѣщалъ его и до самой смерти сохранялъ къ нему благоговѣніе и любовь.

Судь надъ Преподобнымъ у Дорогобужскаго намѣстника повелъ не къ униженію, какъ разсчитывали враги, а къ прославленію имени Герасима. Вѣсть о томъ, какъ намѣстникъ просилъ прощенія у отшельника, какъ предъ нимъ палъ на землю посланный великаго князя, какъ смиренный Герасимъ извѣстенъ даже и на Москвѣ своею чистою и святою жизнью, быстро облетѣла окрестныя селенія. Къ Преподобному послѣ того, какъ онъ безбоязненно началъ жить на новоизбранномъ мѣстѣ стали отовсюду стекаться люди, просившіе его принять ихъ и руководить ими на пути къ вѣчной жизни. Герасимъ съ радостью принималъ всѣхъ, желавшихъ исправить свою жизнь и

послужить Богу, Котораго онъ такъ пламенно любилъ. Когда собралось довольно братіи, Преподобный, вмѣстѣ съ нею, устроилъ часовню, поставилъ необходимое количество „кущей“ (шалашей) и началъ думать объ устройствѣ храма. Мысль устроить храмъ онъ повѣдалъ братіи, которая отвѣтила ему: „Богъ вразумилъ тебя на сіе благое дѣло, Онъ да будетъ тебѣ помощникомъ, честный отче!“ Герасимъ и живущая съ нимъ братія отправляются въ часовню и возносятся къ Богу горячія мольбы, чтобы исполнилось ихъ завѣтное желаніе — имѣть храмъ для служенія Богу въ немъ и совершенія таинствъ.

Съ посохомъ въ рукѣ и котомкой за плечами, призвавъ на свой путь благословеніе Божіе, Преподобный отправился пѣшкомъ въ Москву бить челомъ великому князю о дозволеніи построить монастырь. Онъ былъ милостиво принятъ великимъ княземъ, получилъ разрѣшеніе на устройство обители и ему приказано было отпустить изъ великокняжеской казны „потребная на созиданіе монастыря» (II, 3). По прибытіи къ своей братіи, Преподобный вмѣстѣ съ нею немедленно пошелъ въ часовню воздать благодареніе Господу, что все устроилось такъ быстро и легко. Теперь уже ничто не препятствовало понемногу, съ помощію Божіей, воздвигать обитель: было разрѣшеніе отъ царя, были даны благочестивымъ царемъ и средства на устроеніе обители. Сотворивъ по обычаю молитву и призвавъ на будущую обитель милость Отца Небеснаго, иноческое братство, подъ руководствомъ Герасима, принялось рубить лѣсъ и носить его на плечахъ къ мѣсту построекъ. Былъ воздвигнуть храмъ во имя Живоначальныя Троицы, придѣлъ во имя Преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго Чудотворца и необходимое число келій. Новосодѣланный храмъ былъ освященъ 9 мая 1530 года. Вѣсть объ устройствѣ обители въ Дорогобужскихъ предѣлахъ, какъ молнія, пролетѣла окрестности и отовсюду стали сходиться къ Преподобному люди, желавшіе вмѣстѣ съ нимъ служить Единому Истинному Богу. По примѣру своего учителя—старца Даніила, Герасимъ указывалъ новоприходившимъ, что жизнь въ монастырѣ новомъ и неустроенномъ полна нужды и лишеній. „Видите, братіе, говорилъ Преподобный, мѣсто сіе пусто, отовсюду

скорбно, чего ни помяни—нѣтъ, како имате терпѣти належашія скорби?“ (I, 4). Когда и послѣ этихъ увѣщаній новопривышіе не оставляли мысли трудиться вмѣстѣ съ Преподобнымъ, онъ принималъ ихъ съ неизреченною радостью. Такъ мало по малу умножилось братство въ обители; стала замѣтна нужда въ новыхъ келіяхъ, которыя строились изъ деревь, нарубленныхъ въ окрестномъ лѣсу и принесенныхъ въ обитель на плечахъ тружениковъ—братій. Спустя немного времени явилась нужда въ тепломъ храмѣ съ трапезою, который, и былъ выстроенъ въ память Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы.

Праведный Герасимъ подавалъ собою примѣръ всѣмъ, кто окружалъ его: ночь онъ проводилъ въ слезной молитвѣ, день—въ непрерывныхъ трудахъ и работахъ. Онъ мололъ зерно для монастырской хлѣбопекарни, пекъ хлѣбы, на своихъ плечахъ носилъ воду и дрова, варилъ для братіи сочиво, мылъ для нея одежду и готовилъ обувь. Измученный и усталый отъ непрерывныхъ трудовъ, святой, вмѣсто отдохновенія и сна, становился на молитву. Когда силы совсѣмъ измѣняли ему, онъ, стоя или сидя, погружался въ тихій, кратковременный сонъ и потомъ снова принимался за молитву или трудъ. Онъ принималъ пищу только разъ въ день и та состояла изъ одного хлѣба и воды. Постоянный, безкорыстный трудъ и непрерывное молитвенное памятованіе о Богѣ очистили душу Герасима отъ слабостей и недостатковъ, какъ огонь очищаетъ золото отъ всякой примѣси. Преподобный отличался ангельскимъ незлобіемъ въ обращеніи съ братіей и Богомольцами, являвшимися въ обитель. Въ его присутствіи дѣлалось легко и пріятно самой озлобленной душѣ, какъ бы глубоко ни опустилась она въ болото грѣха. Отъ его лика исходилъ тотъ невидимый и неуловимый свѣтъ, благодаря которому разъ узрѣвшій Преподобнаго никогда не могъ забыть его. Его кроткое, полное евангельской любви, слово звучало такъ отрадно, стройно и возвышенно, что въ скорбящей душѣ постепенно улегались волненія, страсти и нечистые порывы. Какъ сильный дождь вмигъ смываетъ съ древа пыль, навѣянную недѣлями и мѣсяцами, такъ лицезрѣніе Преподобнаго смывало съ души каждаго всю грязь грѣха и пороковъ. И стали въ обитель

Герасима тянуться одинъ за другимъ страдающіе и обремененные какъ изъ бѣдныхъ хижинъ народа, такъ изъ блестящихъ палатъ знати. И никто не уходилъ отъ Преподобнаго безъ того, чтобы его горе не утишалось, печаль не уменьшалась и сердце не размягчалось... И полились пожертвованія въ бѣдную обитель близъ рѣчки Болдины, и начала подниматься и развиваться она, какъ утверждается, поднимается и зрѣеть ростокъ подъ вліяніемъ вешняго солнца и живительной влаги.

Святость и богоугодность Преподобнаго Герасима не могли утаться ни отъ братіи, подвизавшейся вмѣстѣ съ нимъ, и отъ людей, бывшихъ внѣ монастыря, благодаря чудесамъ, которыя стали совершаться имъ еще при жизни. Такъ, скоро по построеніи обители, неизвѣстные путники украли двухъ лошадей, вырощенныхъ Преподобнымъ и братіей для разныхъ монастырскихъ нуждъ. Братъ, представленный смотрѣть за лошадьми, долго искалъ ихъ и, не нашедши, впалъ въ великое уныніе, боясь показаться въ глазахъ Преподобнаго Герасима нерадивымъ слугой. Преподобный, замѣтивъ уныніе инока, сказалъ ему: „не унывай, вспомни Іова праведнаго, который говоритъ: *Господь далъ, Господь и взялъ, да будетъ благословенно Его святое имя.* (Іов. I, 21).“ Слыша эти слова, инокъ подумалъ, что кто нибудь уже возвѣстилъ Преподобному о пропажѣ, упалъ къ ногамъ его и просилъ прощенія въ своемъ нерадѣніи. Когда Преподобный ласково простилъ его, онъ молилъ, чтобы ему позволено было отправиться въ погоню за похитителями. Но Преподобный отвѣтилъ: „брате, гонящій бѣжащаго не постигнетъ, бѣжащій же гонящаго постигнетъ вскорѣ“ (I, 5). Инокъ не понялъ словъ Герасима, но чрезъ три дня они въ точности исполнились: сами тати воротились въ обитель и привели лошадей, украденныхъ у Преподобнаго. Прибывъ въ монастырь, они пали къ ногамъ Герасима и молили его простить имъ ихъ грѣхъ: „укравъ твоихъ лошадей, говорили они, мы три дня и три ночи пытались ухъать на нихъ изъ этихъ мѣстъ и не могли; измученные голодомъ, мы уразумѣли, наконецъ, что твоя молитва не отпускаетъ насъ съ похищеннымъ у тебя; возьми свое и отпусти

насъ Бога ради.“ Преподобный вразумилъ ихъ, чтобы они снискивали себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ, далъ имъ все необходимое для пути и отпустилъ съ миромъ.

Когда Преподобный достаточно устроилъ свой монастырь при рѣчкѣ Болдинѣ, приучилъ братію къ иноческимъ обычаямъ и послушаніямъ, онъ предпринялъ путешествіе въ Переяславль Залѣсскій, въ Даниловъ монастырь. Не одно желаніе видѣть братію, вмѣстѣ съ которой онъ началъ свои иноческіе подвиги, влекло Герасима въ Переяславль, а и нужда — приобрести для новоустроенной обители иноческой уставъ и нѣкоторыя богослужебныя книги. По своему обычаю, онъ отправился пѣшимъ („на конехъ никогда же ѣздяше до скончанія живота своего“, замѣчаетъ по этому поводу жизнеописатель), а три инока, сопровождавшіе его, ѣхали на лошади и „далече отсташа“ отъ Преподобнаго. Во Владимірской области, недалеко отъ Переяславля, на Герасима въ одной деревнѣ набросились собаки; хозяева не только не удерживали ихъ, но еще со смѣхомъ и злорадствомъ натравляли ихъ. Преподобный долженъ былъ остановиться, къ нему подоспѣли его иноки на лошади и стали укорять жителей деревни за ихъ безчеловѣчіе и жестокость. Герасимъ запретилъ инокамъ порицать жителей, говоря: „чада, оставите невѣдать бо, что творять” и обратился къ обитателямъ деревни со словами: „узрите, яко не отъ плотей нашихъ насытятся псы ваши, но отъ скотъ вашихъ; сей смѣхъ преложится вамъ въ плачъ“. Жители деревни стали поносить Преподобнаго, который втайнѣ помолился, чтобы Господь не вмѣнилъ имъ грѣха сего и отправился съ учениками своими въ дальнѣйшій путь. Скоро по удаленіи Преподобнаго, сбылись вѣщія слова его: весь скотъ въ деревнѣ, насмѣявшейся надъ святымъ подвижникомъ, попадалъ и жители пришли въ сильное уныніе. Они вспомнили объ обидѣ, нанесенной ими иноку и стали молить Бога о прощеніи. Преподобный, пробывъ въ монастырѣ „время довольно, возвращался въ свою обитель прежнею дорогой и приближался къ деревнѣ, такъ жестоко насмѣявшейся надъ нимъ. Когда обитатели деревни замѣтили его, то вышли на встрѣчу съ женами и дѣтьми, пали предъ нимъ ницъ и со слезами просили

прощенія за нанесенное ему оскорбленіе. При этомъ они возвѣстили Преподобному, что совершилось точно такъ, какъ онъ предсказалъ: ихъ скоть началъ падать и собаки насыщались тѣлами падшихъ животныхъ. Св. Герасимъ простилъ жителей, увѣщевалъ ихъ никогда не глумиться надъ иноческимъ чиномъ и вознесъ за нихъ къ Богу теплую молитву, чтобы умножились скоты ихъ по прежнему. Спустя нѣкоторое время, Преподобный послалъ учениковъ своихъ иноковъ въ Данилову обитель по монастырскимъ надобностямъ и имъ пришлось оставаться въ той самой деревнѣ. Жители приняли ихъ очень радушно, оказывали имъ великій почетъ и отпустили со словами: „повѣдайте старцу вашему о насъ, яко дарова намъ Богъ, его молитвами, умноженіе скота и всякое обиліе, паче прежняго» (I, 6).

Въ двухъ верстахъ отъ Болдина монастыря находится озеро, прозываемое Абрамовскимъ, которое во времена Преподобнаго имѣло множество рыбы. Изъ поселянъ, осѣвшихъ около обители, многіе ходили на это озеро ловить рыбу. Какъ кругомъ монастыря вообще, такъ и около озера Абрамовскаго, была лѣсная глушь, тревожившая воображеніе людей, которые отправлялись на ловитву. Имъ представлялись разные ужасы; мечты, одна другой чернѣе, тѣснились въ душу и заставляли безпокойно биться сердца, не отличавшіяся ни силой вѣры, ни простымъ мужествомъ. При этомъ разныя неудачи постигали рыболововъ, трудившихся на Абрамовскомъ озерѣ: то прорывались сѣти, то на глазахъ всѣхъ утопалъ кто либо, то послѣ ловитвы подвергался опасной болѣзни. Чтобы отвратить эти несчастья и не оставлять лова, многіе стали прибѣгать къ волшебству и отправлялись на озеро по совершеніи разныхъ заклинаній, противныхъ духу Христовой вѣры. Такимъ образомъ озеро и ловля рыбы на немъ сдѣлались причиной разныхъ суевѣрій, съ которыми всегда боролась церковь и люди, преданные ей всею душой. Преподобный Герасимъ долго и пламенно молился Господу, чтобы Онъ вразумилъ его, какъ истребить суевѣрія, пустившія глубокіе корни въ умахъ и сердцахъ людей простыхъ и некнижныхъ. И Господь Богъ, Премилостивый Отецъ всѣхъ прибѣгающихъ къ Нему, влагаетъ въ душу Герасима

мысль — пойти на озеро и освятить его. Когда эта мысль укрѣпилась и созрѣла въ душѣ Преподобнаго, онъ идетъ вмѣстѣ съ братіей въ церковь Пресвятой Троицы и совершаетъ молебное пѣніе. Послѣ этого онъ всю ночь, не смыкая глазъ, молится Всевышнему, чтобы Онъ благословилъ его начинаніе и оградилъ Своею мощною десницей заблуждающихся рабовъ своихъ. На утро Преподобный Герасимъ отправляется къ озеру вмѣстѣ съ своими монастырскими ловцами и видитъ, что оно волнуется, хотя день былъ ясный и вѣтра совсѣмъ не было. Преподобный, стоя на берегу озера, обращается съ горячей молитвой къ Господу Силь и въ своемъ молитвенномъ настроеніи остается долгое время. Еще не окончилась молитва св. Герасима, какъ изъ глубины озера раздались звуки, необыкновенные по своей силѣ, подобные ударамъ грома, и пошли, перекатываясь по гребнямъ волнъ, по рѣкѣ, протекающей черезъ озеро. Преподобный не переставалъ молиться и вдругъ на озерѣ воцарилась гробовая тишина: ловцы, по приказанію святаго, закинули сѣти и поймали множество рыбы. Съ того времени никогда ужасъ не тѣснился въ души ловцовъ: спокойно и безтрепетно совершали они свое дѣло, точно въ памяти народной не связывалось съ озеромъ никакихъ тяжелыхъ преданій. Молитва Преподобнаго навсегда избавила людей отъ суевѣрнаго страха.

Основаніе Преподобнымъ Герасимомъ другихъ монастырей и посѣщеніе ихъ.

Ръ городѣ Вязьмѣ Св. Герасимъ основалъ монастырь въ память Св. Іоанна Предтечи, существующій и по сіе время. До прихода Преподобнаго, на мѣстѣ, теперь занимаемомъ монастыремъ, не было никакого поселенія, а стоялъ очень густой ольховый лѣсъ, который перерѣзывался рѣчкою Бебрею. „Бѣ же на мѣстѣ семъ прежде корчемникомъ, блудникомъ прибѣжище и разбойникомъ, и прочимъ играмъ бѣсовскимъ, душегубство, убійство и

кровопролитіе». (II, 7). Въ лѣсу, окаймлявшемъ берега рѣчки Бебри съ давнихъ поръ былъ притонъ воровъ, разбойниковъ и всякаго рода буйновъ, которымъ правильная, охраняемая закономъ, жизнь казалась невыносимой. Во время Преподобнаго здѣсь нашли себѣ пріютъ кутежи, развратъ и своеволіе людей, которые видѣли, что народъ неodobрительно судить объ ихъ жизни и презираетъ ихъ. Сюда собирались и изъ самой Вязьмы, и изъ окрестностей разные порочные люди, желавшіе погулять и побезчинствовать на свободѣ, никого не стѣсняясь, въ кругу товарищей, предававшихся постыдной страсти къ вину. Любили заглянуть въ этотъ уголокъ важный въ то время бояринъ Телепневъ-Оболенскій, имѣвшій невдалекѣ отъ города помѣстье, нынѣ село Спасъ-Телепнево. Вмѣстѣ съ нимъ и безъ него заявлялись сюда разные мелкіе бояре („дѣти боярскіе”), которымъ представлялась безцвѣтной честная, трезвая и трудолюбивая жизнь⁵. Слѣдуетъ припомнить, что это было время великихъ смуть, козней, подкоповъ и безначалія въ Русской землѣ. По смерти великаго князя Московскаго Василя Ивановича въ 1533 году, наслѣдникомъ престола былъ объявленъ трехлѣтній Іоаннъ (получившій впослѣдствіи прозваніе Грознаго), управительницей сдѣлалась его мать Елена, а вся власть попала въ руки бояръ. Бояре подѣлились на партіи; во главѣ одной стоялъ Глинскій, во главѣ другой— князь Иванъ-Телепневъ-Оболенскій, которые не могли ужиться между собою и постоянно строили другъ другу ковы. Волненія придворнаго боярства отдались и въ мелкихъ городахъ Руси: и тамъ одни стояли за Глинскаго, другіе за Телепнева, при чемъ первые всячески досаждали вторымъ и наоборотъ. Во время этихъ междоусобій и распрей угасло уваженіе къ закону, ослабѣли бразды правленія и воцарились произволь, безначаліе, пренебреженіе къ порядку и согласію. Суда и расправы искать было негдѣ: не было единаго полновластнаго правителя. Вотъ почему и буйная пестрая толпа гулякъ, образовавшаяся въ предмѣстьи Вязьмы, совершала всякія несправедливости и мерзости, никого не стѣсняясь; тѣмъ болѣе, что

⁵) Памятн. книж. Смоленск. губ. 1859 г. сс. 57-60, ср. Городскія поселенія Россійской Имперіи т. IV, городъ Вязьма.

она могла опираться на сильную руку Телепнева. Подгулявъ во всю широту русской природы, пьяная ватага не останавливалась ни предъ какимъ безчинствомъ, особенно потому, что въ ея составѣ, кромѣ бояръ, было много людей безчестныхъ, въ воровствѣ и грабежахъ потерявшихъ всякій стыдъ. Въ минуты грубаго и безшабашнаго разгула этой шайки плохо приходилось обитателямъ Вязьмы: ни имущество, ни честь, ни самая жизнь ихъ не были ограждены отъ посягательства пьяной и безнравственной ватаги. Нельзя было ни пройти, ни проѣхать мимо мѣста, гдѣ свили гнѣздо беззаконники, не подвергаясь нападенію и оскорбленію, и эта участь одинаково постигала какъ коренныхъ жителей, такъ и пріѣзжихъ. Обратиться за судомъ и защитой было не къ кому: Телепневъ при своей силѣ всегда могъ оборонить отъ преслѣдованія властей своихъ товарищей по разгулу и безчинствамъ. При томъ же, совершая грабежи и убійства, разношерстная шайка проходимцевъ могла представлять Телепневу дѣло такъ, что она нападаетъ на его враговъ, приверженцевъ партіи Глинскихъ. Какъ бы то ни было, мирные жители города Вязьмы и околныхъ селеній были въ отчаяніи, не зная, что дѣлать, у кого просить защиты и покровительства отъ притѣсненій безпутной и развратной шайки. Вѣсть о тяжеломъ положеніи жителей Вязьмы распространилась далеко за окрестности города; она не замедлила коснуться и чуткаго слуха святаго основателя Болдиной обители. Имѣя сердце, всегда готовое отзываться на вопль несчастныхъ, Преподобный проникся глубокимъ состраданіемъ къ плачевной участи вязьмичей. Не смотря на опасности, которыя могли грозить ему отъ пьянаго и развратнаго стада злодѣевъ, онъ рѣшился въ концѣ 1535 года посѣтить Вязьму и по возможности поднять духъ ея жителей. Слова Христа-Спасителя: „*настырь добрый душу свою полагаетъ за овцы*“ (Іоан. 10, 11) звучали для Св. Герасима призывомъ—идти на помощь несчастнымъ, не взирая ни на что. Онъ пришелъ въ Вязьму съ своимъ ученикомъ Симеономъ и безстрашно явился въ притонъ развратниковъ—увѣщать ихъ исправить свою жизнь и оставить въ покоѣ мирныхъ гражданъ. На людей, заматорѣвшихъ въ грязи и порокѣ, нельзя подѣйствовать сразу; поэтому

Преподобный устраивает на берегу рѣки Бебри келью и начинает поститься и молиться, чтобы своимъ примѣромъ вліять на разнуданную толпу. Поселеніе Преподобнаго бокъ-о-бокъ съ притономъ гулякъ и грабителей должно было такъ же поразить ихъ, какъ поражаетъ безмятежно пирующихъ неожиданный ударъ грома и блескъ молніи, рѣжущій глазъ. Разгуль и грабежь уже не могли болѣе совершаться съ наглою откровенностью; чувство безпокойства и неловкости должно было посѣтить душу людей, не привыкшихъ стѣсняться и бояться. Когда къ примѣру присоединилось полное огня и воодушевленія слово Герасима, когда онъ явился въ гнѣздо буяновъ и началъ призывать ихъ къ честной доброй жизни, между ними произошло раздѣленіе. Одни стали поддаваться убѣжденіямъ проповѣдника, другіе ожесточались отъ его словъ, видя въ нихъ помѣху для привольной и разгульной жизни. Замѣчая распаденіе своего товарищества подъ вліяніемъ рѣчей и примѣра отшельника, нѣкоторые изъ буяновъ прибѣгли къ побоямъ и жестокостямъ, чтобы прогнать проповѣдника, но никакая сила не могла охладить его ревности къ дѣлу Божию. Не смотря на побои и ругательства, святой опять и опять является среди преступниковъ, со слезами на глазахъ умоляетъ ихъ исправиться, грозить судомъ Божиимъ, будить ихъ уснувшую совѣсть и его труды увѣнчиваются успѣхомъ. Не мало прошло времени, какъ святой поселился въ Вяземскихъ предѣлахъ, не мало претерпѣлъ онъ отъ безчинствующихъ, но сдѣлалъ Божіе дѣло: рѣже стали сходитьсь буяны, прекратились грабежи и разбои и ободрились напуганные жители. Многіе изъ преступной клики стали на путь добра и начали вести честную трудовую жизнь, остальные разбрелись по другимъ мѣстамъ. Къ Преподобному же съ разныхъ сторонъ стали стекаться ревнители благочестія. Одни брали благословеніе, бесѣдовали и покидали его, другіе оставались при немъ и строили себѣ кельи. Такъ на мѣстѣ грабежа, насилій и разврата возникъ пріютъ молитвы, отреченія отъ міра и собственности, покровъ чистоты и непорочности. Къ 1542 году около Герасима собралось довольно братіи и онъ отправился въ Москву просить разрѣшенія на устройство обители. Разрѣшеніе было получено отъ Гроз-

наго Царя и устроена была церковь во имя святаго Иоанна Предтечи, явившагося Преподобному въ видѣнїи, когда онъ задумалъ основать обитель. По имени главной церкви и монастырь получилъ названіе Иоанно-Предтеченскаго; позднѣе Св. Герасимъ устроилъ при монастырѣ храмъ во имя Вознесенія Господня.

По мѣрѣ того, какъ Иоанно-Предтеченская обитель больше и больше устроилась, все сильнѣе и сильнѣе приливалъ къ ней народъ изъ окрестныхъ деревень и селеній. Нѣкоторые принимали иночество, другіе просили позволенія селиться по сосѣдству съ монастыремъ, чтобы назидаться его богослуженіемъ и учиться праведной жизни у Св. Герасима. Такъ образовалась монастырская слободка, которая особой царской грамотой была освобождена отъ всякихъ податей и повинностей. Но, спустя немного времени, явился въ Вязьму царскій посланникъ, который задумалъ привлечь монастырскихъ крестьянъ къ повинностямъ наравнѣ съ остальными. Крестьяне отказались платить подати, отъ которыхъ были освобождены по волѣ царя; посланникъ началъ ихъ преслѣдовать и подвергалъ очень жестокимъ побоямъ. Узнавъ объ этомъ, Герасимъ послалъ къ нему иноковъ, чтобы они съ ласкою и любовью попросили его освободить крестьянъ отъ незаконныхъ поборовъ. Посланникъ не обратилъ вниманія на просьбу иноковъ, началъ поносить ихъ начальника, Св. Герасима, а крестьянъ попрежнему подвергалъ притѣсненіямъ. Иноки донесли Преподобному, какъ поступилъ съ ними посланникъ и слышали кроткія слова Св. Герасима: „помалѣ убо имамы здѣ видѣтися съ нимъ и, Богу помогающе, оправдимся“. Святой во второй разъ отправляетъ къ посланнику иноковъ съ тою же просьбою, но монастырскимъ крестьянамъ не дѣлаютъ никакого облегченія. Мало того: посланникъ опять начинаетъ осыпать укоризнами Пр. Герасима, и вдругъ на него находитъ припадокъ: онъ повергается на землю, изо рта показывается пѣна, зубы издають страшный скрежетъ... Свидѣтели, бывшіе при этомъ, пришли въ ужасъ; они признали это наказаніемъ Божиимъ за хулы на святаго отшельника, и понесли больнаго въ Иоанно-Предтеченскій монастырь къ Преподобному. Св. Герасимъ сотворилъ мо-

литву надъ посланникомъ и онъ пришелъ въ сознание, но испытывалъ страшную слабость въ тѣлѣ, не имѣя силъ двинуть ни однимъ членомъ. Онъ началъ горько рыдать и просить Преподобнаго: „отче, прости мя, Бога ради; согрѣшихъ и предъ Богомъ, и предъ тобою“. Св. Герасимъ кротко и любовно напомнилъ ему, что Господь запретилъ лихоимствовать, что съ подчиненными слѣдуетъ обращаться мягко и милостиво, отправился въ церковь и помолился за больнаго. Посланный почувствовалъ, что его члены укрѣпились, здоровье воротилось, со слезами на глазахъ сталъ благодарить Преподобнаго, который воздалъ ему за зло добромъ. Герасимъ запретилъ ему рассказывать объ исцѣленіи отъ недуга и отпустилъ съ миромъ.

Пробывъ около 7 лѣтъ въ Вязьмѣ, устроивъ монастырь, собравъ до 40 человекъ братіи и поставивъ надъ нею игуменомъ своего спутника и ученика Симеона, Преподобный возвратился въ Болдину обитель. Но ему недолго опредѣлено было Богомъ пребыть здѣсь: слава объ его святой жизни и благодѣяніи вязьмичамъ вызвала его на новый нелегкій подвигъ. Въ знаменитыхъ Брынскихъ лѣсахъ, нынѣшней Калужской губерніи, какъ въ окрестностяхъ города Вязьмы, съ незапамятныхъ временъ укрывались вору, грабители и разбойники, безпокоившіе околныхъ жителей. Прослышавъ о благодѣяніи, какое Преподобный оказалъ вязьмичамъ основаніемъ монастыря, калужане рѣшились прибѣгнуть къ нему за помощію и защитой отъ удалцовъ, жившихъ въ Брынскихъ лѣсахъ. Святой живо откликнулся на просьбу и, по своему обыкновению, отправился пѣшій въ знаменитые лѣса, отстоявшіе отъ Болдиной обители на 800 верстъ. Тамъ, на рѣкѣ Жиздрѣ, онъ построилъ на время келью, началъ рубить лѣсъ, на своихъ плечахъ сносилъ его въ одно мѣсто, возвелъ нѣсколько построекъ и тѣмъ положилъ основаніе новому монастырю. Около него начала собираться братія, число которой возросло до 42, выстроена была церковь во имя Живоначальной Троицы съ придѣлами Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы и Преподобнаго Сергія, Радонежскаго Чудотворца. И на этомъ новомъ подвигѣ Преподобному пришлось вынести много горя отъ злыхъ людей, которымъ онъ мѣшалъ свою

чистою и безпорочною жизнью. Но терпѣніе, постъ и непрерывная молитва къ Единому Защитнику Богу ограждали его отъ унынія и тоски, которыя могли закрасться въ душу всякаго другаго человѣка подъ гнетомъ преслѣдованій. Господь увѣнчалъ успѣхомъ начинанія святаго, не смотря на всѣ невзгоды; устроивъ монастырь и поставивъ въ немъ игуменомъ своего ученика Петра (Коростелева), Преподобный возвратился въ Болдино. Въ то время, какъ св. Герасимъ устроилъ монастырь въ лѣсу на рѣкѣ Жиздрѣ, совершилось слѣдующее чудо съ сыномъ, одного приказчика Лавра Соколова — Леонтіемъ. Лавръ Соколовъ, неизвѣстно почему, сталъ поносить Преподобнаго Герасима и Болдину обитель устроенную имъ; когда онъ изрыгалъ свои хулы, злой духъ вселился въ его единственнаго сына Леонтія. Больной падалъ на землю, тряся всѣмъ тѣломъ, скрежеталъ зубями, испускалъ изо рта пѣну и метался изъ стороны въ сторону, такъ что его должны были приковывать, и это повторялось каждый день. Тяжело стало отду видѣть страшныя мученія сына; онъ началъ горько раскаяваться въ своихъ безумныхъ хулахъ на св. Герасима и рѣшилъ заглядить свой грѣхъ. Онъ отправляется въ Болдинъ монастырь и везетъ съ собою сына закованнымъ въ желѣза; предъ братіей обители онъ кается въ своихъ глумленіяхъ, проситъ прощенія и помощи. Священно-иноки стали молить Бога за больнаго, но не могли пособить ему въ отсутствіе своего начальника — Преподобнаго Герасима, находившагося на Жиздрѣ и занятаго устройствомъ обители. Бѣсноватый прожилъ не мало въ монастырѣ, пока св. Герасимъ, по озаренію отъ Духа Божія, не поспѣшилъ къ нему на помощь, оставивъ калужскіе предѣлы. Преподобный внезапно объявилъ своимъ сотрудникамъ по устройенію обители въ Брынскомъ лѣсу: „нынѣ убо подобаеть поспѣшити и посѣтити приведеннаго къ намъ въ Болдинъ монастырь“. Ученики пришли въ изумленіе, не понимая этихъ словъ, такъ какъ никто не приходилъ изъ Болдиной обители и не было извѣстно, что кто либо привезенъ въ нее. Когда Преподобный подходилъ къ Болдиной обители, братія вышла къ нему навстрѣчу, вмѣстѣ съ бѣснующимся, который въ это время былъ свободенъ отъ припадка и могъ идти. Но

вдругъ съ больнымъ сдѣлался припадокъ: братія на рукахъ понесла его на встрѣчу св. Герасиму, причемъ больной страшно стоналъ, кусалъ зубами несшихъ его, рвалъ ногтями ихъ одежду и царапалъ лица. Преподобный, приблизившись къ бѣсноватому, взялъ его за правую руку и больной тотчасъ успокоился; по приказанію Герасима его повели въ церковь. Здѣсь Преподобный вмѣстѣ съ братіей совершилъ моленіе объ исцѣленіи больнаго отъ недуга и бѣсноватый совершенно выздоровѣлъ. Отецъ не помнилъ себя отъ радости и съ того времени началъ питать къ святому Герасиму безграничную любовь.

Наконецъ, св. Герасимомъ былъ вызванъ къ новой жизни монастырь, отстоявшій на 30 верстѣ отъ Дорогобужа, внизъ по Днѣпру, при большой дорогѣ, на мѣстѣ, которое прозывалось Сверковы Луки⁶. Преподобный любилъ уединяться въ глухія, недоступныя человѣческому взору, мѣста, чтобы, вдали отъ всѣхъ тревоженій жизни, глубже войти въ себя и пламеннѣй помолиться Творцу всяческихъ. Въ одно изъ такихъ путешествій, онъ пришелъ на мѣсто, прозываемое Сверковы Луки; ему понравилось тамъ и онъ рѣшилъ устроить монастырь. Въ литовское владѣніе, до 1522 года, въ Сверковыхъ лукахъ былъ небольшой монастырь, всего въ двѣ кельи, и выше этого мѣста, на другой сторонѣ Днѣпра, была такая же малая обитель. Когда, въ силу перемирія 1522 года, Смоленскъ остался за Москвою, Сверковыми Луками, по волѣ великаго князя Василія Іоанновича, началъ владѣть его бояринъ, по имени Яковъ Андреевичъ Салтыковъ. Большой любитель охоты и звѣриной ловли, Салтыковъ часто заѣзжалъ въ Сверковы Луки въ окрестностяхъ которыхъ водилось много дичи, и нерѣдко заночевывалъ здѣсь. Во время своего пребыванія въ Сверковыхъ Лукахъ, бояринъ, на правахъ полнаго хозяина, позволялъ себѣ крайне неприличныя и дерзкія выходки, на примѣръ, онъ рѣшался ночевать съ собаками въ монастырской трапезѣ⁷. Преподобный воспылалъ ве-

---

⁶) Въ настоящее время здѣсь находится село Сверколучье.

⁷) Въ объясненіе такого дерзкаго поступка слѣдуетъ сказать, что русскіе бояре, жившіе по сосѣдству с Польшей, заражались дурными привычками отъ разнузданной и безвѣрной польской шляхты.

ликимъ негодованіемъ, узнавъ о такихъ поступкахъ православнаго боярина и рѣшилъ поднять Сверколуцкій монастырь отъ униженія, въ какомъ онъ находился, благодаря своей незначительности. Бояринъ видѣлъ, что съ поднятіемъ и развитіемъ монастыря, прекратится его власть: многіе крестьяне поселятся вблизи обители, отойдутъ въ ея собственность и перестанутъ быть его холопами. Онъ началъ воздвигать разныя преграды, чтобы помѣшать святому дѣлу Преподобнаго, предпринималъ попытки прогнать его, но ничто не могло отклонить святаго отъ его добраго намѣренія. Онъ съ кротостію говорилъ боярину: „ты почтень Богомъ и государемъ, и тебѣ слѣдуетъ быть ревнителемъ благочестія, а не нечестія. Такъ, какъ ты, могутъ дѣлать одни нечестивые, тебѣ же, христіанину, должно поступать похристіански. Слышишь, что говоритъ пророкъ Давидъ: *человѣкъ, въ чести сый, неразумъ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ*” (Пс. 48, 21). Сильніи сильнѣйше истязани будутъ; тебѣ слѣдуетъ быть довольнымъ царскимъ пожалованіемъ — помѣстьями и вотчинами, а земля, на которой строится монастырь, не тебѣ принадлежитъ: ея владѣтели Богъ и церковь”. Но на испорченнаго боярина, привыкшаго, чтобы все трепетало предъ его властью, не дѣйствовали правдивыя слова св. Герасима: онъ не оставлялъ своихъ попытокъ мѣшать Преподобному поднять отъ паденія монастырь. Тогда подвижникъ рѣшился просить защиты у высшей власти и отправился бить челомъ государю, сыну Василя Іоанновича, Ивану Васильевичу Грозному. Царь принялъ сторону отшельника, распорядился, чтобы ему дано было позволеніе на устройство монастыря въ Сверковыхъ Лукахъ, и особой царской грамотой надѣлилъ монастырь земельными угодьями. Преподобный, съ помощью Божіей и благочестивыхъ христіанцевъ, воздвигъ холодную церковь Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы и теплую, трапезную во имя Святителя и Чудотворца Николая. Были построены келіи для братіи, которой, по призыву Герасима, собралось до 35 человѣкъ, и назначень былъ въ строители ученикъ его, по имени Сергій. Бояринъ же Салтыковъ, долго противодѣйствовавшій отшельнику и враждовавшій противъ

него, подь конецъ жизни проникся высокимъ уваженіемъ къ Св. Герасиму, оставилъ міръ, отпустилъ на волю своихъ холоповъ и постригся въ монашество въ Болдиной обители. Онъ чувствовалъ свою вину предъ св. Герасимомъ и, по преставленіи его, каждодневно молился предъ его гробницей, проливая горькія слезы. Прежде, чѣмъ войти въ церковь для пѣнія богослуженія, онъ обыкновенно повергался предъ мощами Преподобнаго и взывалъ къ почившему о прощеніи грѣховъ, въ которыхъ былъ повиненъ предъ нимъ. Онъ жилъ въ Болдиной обители въ благочестіи и покаяніи и, по смерти своей, былъ погребенъ недалеко отъ гроба Преподобнаго Герасима.

Пр. Герасимъ не оставлялъ основанныхъ имъ монастырей безъ своего длительного надзора: онъ часто посѣщаль ихъ и слѣдилъ за чистотою вѣры и жизни въ средѣ братіи, обитавшей въ ихъ стѣнахъ. Во время этихъ посѣщеній, онъ разбиралъ несогласія, если они появлялись между иноками, и увѣщевалъ ихъ къ соблюденію церковныхъ заповѣдей и уставовъ. Онъ указывалъ на то, что земная жизнь человѣка кратка, что за нею наступитъ другая, которая не прекратится во вѣки. Если иноки потрутся, какъ требуетъ церковь и евангеліе, здѣсь на землѣ, имъ даровано будетъ неизреченное блаженство на небѣ. „Аще бо вѣдалъ кто, братіе, говорилъ св. Герасимъ, какова радость ждетъ труждающихся въ жизни сей Господа ради, не бы далъ покою себѣ во вся дни живота своего, но въ трудѣхъ и терпѣніихъ и злостраданіихъ изжилъ бы вся своя дни“ (II, 11). Онъ совѣтовалъ инокамъ помнить часъ смертный, имѣть любовь другъ къ другу и оставить злопамятство, быть прилежными къ молитвенному подвигу, старательно посѣщать церковь, внимательно слушать чтеніе и пѣніе божественныхъ службъ. „Тогда, наставлялъ святой своихъ учениковъ, вселится въ васъ страхъ Божій и тьма грѣховная бѣжитъ отъ васъ, свѣтъ чистоты и безстрастія озаритъ души ваша и узрите солнце правды и внидите въ чертогъ небесный, яко мудрыя дѣвы. Украсивъ души своя, вси вкупѣ и единомысленно повинуйтеся наставникамъ вашимъ, тѣи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще о васъ Богови въ день судный (II, 11).

Преставленіе Пр. Герасима и завѣщаніе братіи основанныхъ имъ монастырей.

На 66 году жизни Преподобный Герасим почувствовалъ, что силы оставляють его, что его деятельность, полная опасностей, огорчений и бѣдъ, должна прекратиться. Предвидя свою скорую кончину, онъ сзываетъ братію всѣхъ, основанныхъ имъ, обителей въ „Большой монастырь Болдинъ“ (такъ называлъ его самъ Преподобный) и объявляетъ ей свою предсмертную волю. Какъ отецъ, навѣки оставляя свою дорогую семью, ослабѣвшимъ отъ волненія и болѣзни голосомъ, произноситъ послѣднія благословенія и даетъ послѣдніе совѣты, такъ и Св. Герасимъ обращается къ своимъ ученикамъ съ трогательною прощальною рѣчью. „Конецъ житія моего, говоритъ онъ, приближается и азъ гряду ко Отцу Небесному. Молю вы: сохраните глаголы моя да поживете по отшествіи моемъ въ мирѣ и любви по заповѣдямъ Господнимъ и уставамъ святыхъ Отець. Поминайте обѣты ваша, яже изрекосте предъ Богомъ, ангельскій образъ приѣмлюще и міра отрицающесея, и Господь-Вседержитель да будетъ со всѣми вами. Изберите себѣ игумена, его же хотите, да править вы во всякомъ благочестіи и чистотѣ“. Братія въ одинъ голосъ отвѣтила дорогому учителю: „мы хотѣли бы, добрый нашъ пастырь и наставникъ, умереть съ тобою, но не такъ опредѣлено свыше. Пусть же Богъ, возвѣстившій тебѣ объ отшествіи изъ міра, вразумить тебя избрать намъ пастыря и учителя, который творилъ бы во всемъ волю Его“. Преподобный подозвалъ къ себѣ одного изъ учениковъ—Юсифа, по прозванію Краснописца, „мужа благоговѣйна, искусна и разсудительна во всемъ“ и сказалъ окружающимъ: „сей вамъ да будетъ игумень, пастырь и наставникъ, ему же предаю азъ монастырскій уставъ и иноческое правило». Обращаясь къ новоизбранному игумену, Св. Герасимъ сказалъ: „чадо и брате Юсифе! Се убо оставляю тебе съ Богомъ строителя и промысленника Святой обители и всему богособранному братству. Блюди еже завѣщаю ти и всей братіи—жити по

заповѣдемъ Господнимъ и по уставамъ Св. Отець“. „Молю убо васъ, братія и чада“, обратился Св. Герасимъ къ ученикамъ своимъ, „яко же при мнѣ не бысть хмѣльнаго питія во обители сей, тако и по моемъ преставленіи никакоже да будетъ... мірскимъ людямъ съ братіей во единыхъ келіяхъ не жити никогда же и имѣнія по келіямъ не держати, питатися же обще всѣмъ въ трапезѣ съ безмолвіемъ, что Богъ пошлетъ, и слушати житія Святыхъ Отець и поучительныя слова, а пища бы была всей братіи равна, излишняго брашна никому же дѣлати и по келіямъ бы пищи не держати; приходящихъ же изъ иныхъ монастырей братій не изгоняти; ропотниковъ же и раскольниковъ, таковыхъ не пушати, а смиряти монастырскимъ послушаніемъ и наказывати ихъ съ кротостію; непослушающихъ же наказанія изъ обители изгоняти, да и прочіи страхъ имуть не творити таковая. Спутниковъ⁸ и нищихъ не оскорбляйте, напитайте ихъ и на путь подайте, что Богъ пошлетъ. Игуменовъ вашихъ почитайте и повинуйтеся имъ о Бозѣ, яко же пишется въ житіи святыхъ отецъ: иже повинуется старѣйшинѣ, рекше игумену, ангеламъ Божіимъ подражаетъ, а противляйся настоятелю, діавола собою являетъ. Аще игумень не по монастырскому чину будетъ жити, и вы бы его не безчестили, послали бы къ нему въ келію кого либо изъ братіи бесѣдовати съ нимъ со смиреніемъ, незлобіемъ, кротостію и любовью. Въ духовныхъ дѣлахъ и во всякихъ монастырскихъ потребахъ игумень безъ совѣта соборныхъ старцевъ ничего не долженъ творити. А соборныхъ старцевъ у васъ было бы дванадесять, кромѣ игумена, а старцы бы соборные были духовнымъ житіемъ крѣпкожительны и безмятежны и благоразсудны зѣло; а старцемъ бы также ни о какомъ монастырскомъ дѣлѣ безъ игумена не соборовати, но всѣмъ вмѣстѣ соборовати, развѣ который старецъ въ отъѣздѣ будетъ по монастырской службѣ. Въ игумены избирайте изъ своихъ постриженниковъ, изъ братіи своихъ монастырей, а не изъ чужихъ, понеже вѣдятъ законъ смиренія нашего. А кто святыя Живоначальныя Троицы уставъ нарушитъ—игумень или изъ соборныхъ старцевъ

⁸) Путешественниковъ и странниковъ.

кто,— тотъ будетъ судиться со мною предъ Господомъ Богомъ. Братіе и чада! яко же рекъ первѣе и нынѣ глаголю: се убо отхожу отъ міра сего и оставляю васъ въ руцѣ Божіей и Пречистыя Богородицы и Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца и въ руцѣ Государя, Царя и Великаго князя, Ивана Васильевича, всея Руси Самодержца и Преосвященнаго Макарія, митрополита Кіевскаго и Московскаго и всея Руси, занеже азъ бихъ челомъ царю Государю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и Преосвященному митрополиту Макарію о бреженіи монастырскомъ и обидахъ постороннихъ, да по преставленіи моемъ не дадутъ въ обиду, а буде, братія мои, постигнуть васъ каковыя скорби, вы бы уповали во всемъ на Господа Бога, Пречистую Богородицу, и призывали бы на помощь Сергія Чудотворца, и били бы челомъ Государю царю и великому князю, кого Господь въ то время на царство поставитъ, и Преосвященному митрополиту, иже во дни тья престоль правити будетъ, да будетъ извѣстна сія обитель имъ и въ дѣлѣ неповинномъ защитятъ васъ и помощію Божіей невредими будете“ (II, 12). Послѣ этого Преподобный, по исконному обычаю, просилъ прощенія у всѣхъ окружающихъ, далъ братіи послѣднее цѣлованіе и отпустилъ ее по келіямъ, оставивъ при себѣ одного изъ учениковъ, никогда не разстававшагося съ Преподобнымъ и не покидавашаго его. Хотя силы видимо оставляли святаго, его душа, готовая освободиться отъ узъ тѣла, была бодра и горѣла сильною любовью къ Богу: всю ночь Св. Герасимъ не смыкалъ очей и возсылалъ молитвы къ Престолу Царя Небеснаго. На монастырской звонницѣ ударили къ заутрени, когда Святой почувствовалъ наступленіе смертнаго часа. Онъ принялъ Пречистое Тѣло и Животворящую Кровь Господа нашего Иисуса Христа, простеръ руки къ небу, сотворилъ молитву и тихо, безболѣзненно окончилъ жизнь, произнося слова: „въ руцѣ твои, Господи, предаю духъ мой“ (Лк. 23,46). Когда Преподобный въ своей бѣдной келіи испустилъ послѣдній вздохъ, братія въ церкви праздновала, память Св. Пафнутія Боровскаго пѣніемъ заутрени и одинъ изъ

священноиноковъ читаль слова Христа Спасителя: „*приидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы, возмите иго мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мѳ. XI. 28-30). Св. Герасимъ скончался въ 1554 году отъ Рождества Христова, въ 1 день мѣсяца мая, въ семь часовъ утра. „И абіе, говоритъ жизнеописатель Святаго, въ той часъ изліяся въ келіи неизреченное благоуханіе отъ тѣлесе святаго и просвѣтися лице его свѣтло, яко ангела, а не яко чловѣка мертва, показующе чистоту его душевную и тѣлесную и отъ Бога трудомъ его воздаяніе. Братіе же услышавше преставленіе Преподобнаго и пришедше въ келію, идѣже лежа умершее тѣло блаженнаго, слезно рыдаху о лишеніи наставника, кормчаго, отца и учителя. И посемь его трудолюбное тѣло, ва одрѣ возложивше, на главахъ своихъ въ церковь несоша съ подобною честію и погребоша честное и многострадальное тѣло его съ надгробнымъ псалмопѣніемъ и со свѣщами и кандилы у Пребезначальныя Троицы въ Болдинѣ монастырѣ, у придѣла чудотворца Сергія, отъ полуденныя страны. И тако братія—ученицы Преподобнаго—во мнозѣ сѣтованіи и плачѣ разыдошася во своя монастыри, идѣ же кто обиташе“ (II, 12).

Почиль Праведный Старець, угасъ свѣтильникъ Христовой вѣры, но не угасъ свѣтъ, который онъ пролилъ въ мірѣ. Прежде всего этотъ свѣтъ согрѣвалъ и оживлялъ 127 чловѣкъ братіи, оставшейся въ Болдиномъ монастырѣ по преставленіи Преподобнаго, а потомъ и остальныхъ учениковъ Св. Герасима — подвижниковъ обители съ XVI вѣка до нашихъ дней. Далѣ этимъ свѣтомъ согрѣвалась и озарялась не одна вѣрующая душа въ теченіи слишкомъ трехъ сотъ лѣтъ со дня основанія Болдиной обители и преставленія Преподобнаго. Многочисленныя чудотворенія, явленныя Св. Герасимомъ послѣ кончины, самое лучшее доказательство силы этого небеснаго свѣта, свѣта вѣры и правды.

Чудеса, совершенныя Преподобнымъ Герасимомъ по вѣрѣ и молитвамъ притекавшихъ къ нему въ XVI и XVII вѣкахъ.

I.

Ръ Болдиномъ монастырѣ былъ работникъ, который, по выраженію древняго жизнеописателя Св. Герасима, „живяше лукавымъ обычаемъ, бѣсовскимъ ухищреніемъ неправду творя, крадя монастырское и много зла втайне творяше“. За свою нечистую жизнь онъ вскорѣ получилъ наказаніе отъ Бога, впалъ въ недугъ „зѣло тяжекъ“: всѣ члены его были скорчены и онъ не могъ владѣть ни руками, ни ногами. Болѣзнь терзала его день и ночь и вырывала изъ его груди страшные вопли, наводившіе ужасъ на всѣхъ, кому приходилось ихъ слышать. Наконецъ, чтобы умилостивить Бога и замолить свои грѣхи, больной рѣшился отречься отъ міра и постричься въ монашество; игумень Іосифъ постригъ его подъ именемъ Александра. Новонареченный инокъ былъ помѣщенъ въ братскую больницу, гдѣ онъ и пробылъ два года, не имѣя силъ посѣщать ни церкви, ни трапезы, ползкомъ на локтяхъ и ладоняхъ передвигаясь съ мѣста на мѣсто. Одинъ изъ опытныхъ старцевъ обители, по имени Вассіанъ, уговорилъ инока прибѣгнуть за помощію къ угоднику и онъ началъ ползать къ ракъ Преподобнаго Герасима каждый день, съ плачемъ и рыданіемъ прося отпущенія грѣховъ своихъ. Разъ, послѣ вечерни „уже сущей тьмѣ“, приползъ Александръ ко гробу святаго и съ

плачемъ исповѣдалъ грѣхи свои, какъ вдругъ у гроба Преподобнаго появилась зажженная свѣча и вскрылась доска на его ракъ. Больной подумалъ, что доска сдвинута плотниками, производившими подѣлки въ храмѣ и подползши хотѣлъ поправить ее, но былъ пораженъ страхомъ и радостью: онъ видитъ, что гробъ открытъ и въ немъ лежитъ Преподобный, лице котораго сіяетъ подобно солнцу. Въ тотъ мигъ, какъ увидѣлъ Св. Герасима, Александръ сталъ на ноги, руки и всѣ члены его окрѣпли и онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ, точно злая болѣзнь никогда не мучила его. Не вѣря себѣ и своему счастью, инокъ, отошедши немного отъ гроба, сталъ ощупывать и оглядывать себя. Убедившись въ своемъ здравіи, онъ приблизился ко гробу, чтобы облобызать цѣлбоносное тѣло угодника, но доска сама собою закрылась и на ней, какъ всегда, лежалъ уже покровъ. Съ неслышанною радостью поспешилъ Александръ къ игумену и сообщилъ ему о всемъ, виденномъ въ храмѣ. (II, 13)

II.

„Человѣкъ нѣкій“, говоритъ древній жизнеописатель Преподобнаго, „лукавымъ духомъ зѣло мучимъ бѣше: многажды бо его на землю повергаше и подъявъ о землю ударяше и вся уды его сотрясаше, пѣны теши отъ усть его и зубы скрежетати творяще; къ сему же и въ лютость велію зѣло приводяще, яко возставъ отъ земли зубы хопати⁹ окрестъ стоящихъ людей, овыхъ же рукама нещадно бѣяше, и сего ради узы желѣзныя налагаху нанъ; его же и узы желѣзныя не можаху держати. Многажды же изъ очію всѣхъ и изъ рукъ исторгашеся и по лѣсамъ и по пустымъ мѣстомъ бѣгаше, вопія нелѣпыми гласы“. Этого больного съ большимъ затрудненіемъ привели въ Болдину обитель и насильно привлекли къ ракъ угодника. Тотчасъ страждущій пришелъ въ чувство, съ благоговѣніемъ воззрѣлъ на гробъ Св. Герасима и произнесъ: „о, Преподобный отче Герасиме! помилуй мене и не предаждь мене злымъ симъ тмообразнымъ ратникомъ, окрестъ бо мене со оружїи предстоятъ и прискачуще хотятъ мене оружїи погубити“. И видитъ исцѣленный Преподобнаго Герасима, вышедшаго изъ гро-

⁹) Хватать.

ба съ жезломъ и ученика его Варсонофія, который былъ извѣстенъ больному¹⁰. Въ рукахъ у обоихъ было по горячей свѣчѣ; отъ этихъ свѣчей „возгорѣся пламень велій и попали черныя ефіопы, суція у гробницы, а которыя темнообразніи на монастырѣ осташа, тѣхъ Преподобный Герасимъ, вдавъ жезль свой ученику своему Варсонофію, повелѣ отъ монастыря отгнати всѣхъ и абіе Герасимъ и Варсонофій невидимы быша“. Съ того времени больной навсегда избавился отъ недуга своего; возвѣстивъ о всемъ видѣнномъ настоятелю и братіи, онъ удалился въ домъ свой, славя и благодаря Господа (I I, 14)¹¹.

III.

Геромонахъ Болдиной обители Корнилій имѣлъ великую вѣру въ Преподобнаго и предъ ракою его далъ клятву—никогда не оставлять основаннаго имъ монастыря, но потомъ впалъ въ искушеніе: ропталъ на игумена, на иноческій уставъ и на трапезу. Наконецъ, онъ пошелъ къ ракъ Преподобнаго, палъ предъ нею и просилъ у угодника благословенія — оставить „большой Болдинъ монастырь“. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то тихими беззвучными шагами вышелъ изъ гробницы, пригнулъ его сзади къ землѣ и не давалъ ему встать; тотчасъ почувствовалъ онъ расслабленіе во всемъ тѣлѣ, онѣмѣлъ и ослѣпъ. Въ такомъ положеніи застала его у гроба угодника братія, собравшаяся на молитву. Замѣтивъ, что съ Корниліемъ совершилось что-то необыкновенное, братія обратилась съ молитвою къ Господу объ исцѣленіи больнаго. Во время молебнаго пѣнія, рассказывалъ потомъ Корнилій, изъ гроба св. Герасима вышелъ легкій и тонкій пламень, который, охвативъ больнаго, влилъ въ тѣло какую-то бодрость и силу и онъ тотчасъ почувствовалъ себя здоровымъ. Послѣ этого инокъ упалъ предъ гробомъ Преподобнаго, слезно просилъ прощенія за свое вѣроломство и далъ новый обѣтъ—никогда не оставлять обители, покряться ея уставамъ, почитать начальниковъ и жить по завѣту св. Ге-

¹⁰) Варсонофій былъ ревностнѣйшимъ ученикомъ св. Герасима, вмѣстѣ съ нимъ находился въ одной келіи, подражая ему въ жизни и дѣлахъ до самой смерти.

¹¹) Въ житіи, которое составлено Жюковымъ (глава 21), повѣствуется объ изцѣленіи другаго бѣсноватаго Ѳедора Круговитина, совершившемся при такихъ же обстоятельствахъ.

расима. Корнилій до конца жизни своей ни въ чемъ не отступилъ отъ обѣта (11, 15).

IV.

Въ обители Пр. Герасима былъ инокъ, по имени Антоній, который, еще живя въ мѣрѣ, въ юношескомъ возрастѣ, далъ обѣтъ постричься въ монашество въ Болдиномъ монастырѣ. Этотъ обѣтъ онъ неоднократно повторялъ при свидѣтеляхъ, товарищахъ и сверстникахъ, но возмужавъ забылъ его, женился и предался мѣрскимъ занятіямъ и интересамъ. Все не спорилось въ рукахъ человѣка, нарушившаго обѣтъ, ни въ чемъ ему не было удачи. Мало того: Преподобный Герасимъ являлся ему во снѣ и укорялъ за нарушеніе обѣта, но онъ не придалъ этому видѣнію никакого значенія, какъ не обращалъ вниманія и на несчастія, постигавшія его. Но вотъ въ мѣстности, гдѣ жилъ онъ, появляется повальная болѣзнь, которая не замедлила захватить и его: чувствуя приближеніе смерти, онъ велитъ везти себя въ Болдинъ монастырь, чтобы хоть передъ кончиной исполнить обѣтъ постриженія. На пути въ монастырь смертельно-больной получаетъ облегченіе и оправляется настолько, что, сѣвъ на коня, ѣдетъ одинъ, безъ посторонней помощи. Чѣмъ дальше онъ подвигался къ монастырю, тѣмъ сильнѣе загорались въ его сердцѣ любовь къ міру и нежеланіе оставлять его, и онъ вознамѣрился воротиться назадъ въ свой домъ, къ своимъ занятіямъ. Когда онъ рѣшилъ это, внезапно постигло его наказаніе Божіе: онъ упалъ на землю, какъ мертвецъ и потерялъ сознание. Когда онъ въ забытій лежалъ на землѣ, не имѣя силъ подняться, необыкновенный страхъ сдавилъ его грудь и онъ въ смущеніи сталъ искать вокругъ себя, кто-бы протянулъ ему руку помощи. Внезапно явился ему Св. Герасимъ и сталъ укорять, что онъ, живя въ мѣрѣ и претерпѣвая разныя бѣды, не понималъ ихъ смысла, не видѣлъ въ нихъ руки Божіей, которая вела его ко спасенію. Преподобный взялъ за руку болящаго и ему представилось, что онъ вдругъ перенесенъ на новое мѣсто, свѣтлое и прекрасное, отъ котораго изливалось невыразимое благоуханіе; въ его ухахъ раздались кроткія и тихія слова: „сотвори обѣтъ, иже прежде даде не буди невѣренъ, но вѣренъ“ и святой

сталъ невидимъ. Больной пришелъ въ чувство и увидалъ себя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ потерялъ сознание; онъ обратился къ спутникамъ и просилъ скорѣе везти его въ Болдинъ монастырь. По прибытіи сюда, больной всталъ на ноги, пошелъ помолиться угоднику Божію и затѣмъ, не откладывая, исполнилъ свой обѣтъ: постригся въ монашество съ именемъ Антонія и до конца жизни не оставлялъ Болдиной обители (11, 16).

V.

Одинъ кожевникъ изъ г. Дорогобужа, по имени Яковъ Зѣнинъ, былъ одержимъ нечистымъ духомъ, который, по сказанію древняго житія, повергалъ его на землю, нещадно билъ и доводилъ до состоянія, подобнаго смерти. Больной подолгу не ѣлъ и не пилъ, издавалъ ужасные стоны, говорилъ скверныя слова, кусалъ стражей, убѣгалъ въ лѣса и безлюдныя мѣста. Наложивъ на страждущаго желѣза, привезли его въ Болдинъ монастырь ко гробу Преподобнаго и тотчасъ нечистый духъ повергъ его на землю; онъ былъ безгласенъ, подобно мертвецу, во все время молебнаго пѣнія объ его исцѣленіи. По окончаніи молебна, больной, точно вставъ отъ глубокаго сна, съ изумленіемъ обвелъ предстоящихъ глазами и почувствовалъ, что совсѣмъ выздоровѣлъ отъ своего недуга. Воздавъ благодареніе угоднику Божію Герасиму, онъ возвратился въ домъ свой съ веселіемъ и радостію (11, 17).

Спустя немного времени, тотъ же Яковъ Зѣнинъ заболѣлъ язвою на рукѣ, отъ которой опухло все тѣло: онъ лишился ѣды, сна и приговоренъ былъ окружающими къ смерти. Тогда онъ обратился съ мольбою къ Преподобному Герасиму, прося его избавить отъ настоящей болѣзни, какъ онъ былъ избавленъ молитвами святаго отъ прежней. Послѣ горячей молитвы, выходившей изъ глубины страждущей души, больной почувствовалъ позывъ къ пищѣ, какою въ то время питалась братія Болдиной обители и мало по малу совсѣмъ оправился отъ болѣзни (11, 18).

VI.

Нѣкогда, по царскому повелѣнію, проходили мимо Болдиной обители четыреста стрѣльцовъ. Пища, взятая ими, вся вышла и они завернули въ обитель, прося игумена накормить ихъ. Игумень спросилъ расходчика, много ли въ монастырѣ пищи и получилъ отвѣтъ, что съѣстнаго въ монастырѣ столько, сколько нужно для дневнаго пропитанія братіи. Игумень и братія были въ сильномъ огорченіи, не зная, чѣмъ накормить служивыхъ людей; но вѣруя, что Богъ можетъ и малымъ напитать многихъ, собрались въ храмъ и обратились съ молитвою къ Богу. Помолившись, игумень и братія порѣшили отдать стрѣльцамъ весь скудный запасъ монастырской провизіи и, силою Божіей, предложенная пища не только оказалась довольною для стрѣльцовъ, но и осталось отъ нея, сколько было нужно для насыщенія братіи и монастырскихъ работниковъ. „Мы же“, замѣчаетъ по этому поводу писатель древняго житія, „видѣвше сіе, прославихомъ Бога, творящаго преславная и дивная угодникомъ своимъ Пр. Герасимомъ (II, 19).“

VII.

Когда в обители Пр. Герасима строилась каменная съ трапезою церковь во имя Введенія во храмъ Пресв. Богородицы, одинъ челоуѣкъ, по имени Михаилъ Казьминъ, приходилъ трудиться Бога ради помогая строителямъ носить камень, известь, кирпичъ, безъ всякой за то платы. На что-то обидѣвшись попустякамъ, онъ ушелъ изъ монастыря, намѣреваясь отправиться въ другое мѣсто на трудъ и дорогою попалъ въ руки разбойниковъ, которые привели его въ свой станъ и, связавъ ему руки и ноги, хотѣли убить. Одинъ изъ нихъ уже направился къ несчастному съ оружіемъ въ рукахъ, какъ Михаилъ къ горькихъ слезахъ сталъ творить молитву: “о Преподобне Герасиме! согрѣшихъ предъ тобою, прости мя Господа ради и избави мя горькія смерти сія.” Услышавъ имя угодника Божія, разбойники были поражены непонятнымъ страхомъ и разбѣжались въ разныя стороны, словно кто сдѣлалъ на нихъ внезапное нападеніе: съ несчастнаго же Михаила сами собою спали перевези ногъ и рукъ. Поднявшись съ

земли, онъ направился въ монастырь, къ ракъ Преподобнаго, воздать благодареніе за свое спасеніе и разсказаль о бывшемъ съ нимъ настоятелю и братіи (II, 20).

VIII.

Одинъ челоуѣкъ, имѣвшій сына, постригся въ иночество съ именемъ Мисаила и жилъ въ монастырѣ, невдалекѣ отъ Дорогобужа. Вмѣстѣ съ сыномъ инокъ посѣтилъ Болдинъ монастырь; настоятель предложилъ имъ угошеніе, какъ заведено было въ обители въ силу завѣщанія Преподобнаго. Мисаиль же не только не принялъ угощенія, но разсерженный оставилъ монастырь, не поклонившись на прощаніе гробницѣ святаго и не испросивъ благословенія настоятеля; при этомъ онъ произносилъ укоризны на обитель. Въ наказаніе за эти хулы у Мисаила съ сыномъ было отнято разумѣніе и они сбились съ дороги: сколько ни блуждали они по окрестностямъ, не могли попасть туда, куда лежалъ ихъ путь. Находясь въ бѣдѣ, инокъ вспомнилъ свое прегрѣшеніе и сталъ горько плакать, раскаяваясь въ безумномъ порицаніи иноческаго устава и порядковъ Болдиной обители. Онъ обратился съ молитвою къ Преподобному основателю Болдина монастыря и тотчасъ открылись глаза его и онъ напалъ на путь, по которому ему нужно было идти въ свое жилище. Въ благодарномъ воспоминаніи объ этомъ, инокъ Мисаиль переселился въ Болдинъ монастырь, гдѣ и оставался до самой смерти, а послѣ и сынъ его принялъ здѣсь же постриженіе и жилъ до самой кончины своей (II, 22).

Подобное же чудо было съ инокомъ Гуріемъ, который, проживая въ обители Преподобнаго, вздумалъ украсть складные образа, стоявшіе надъ ракою угодника и съ ними бѣжать изъ обители. Но, захвативъ иконы, онъ не могъ, по выходѣ изъ монастыря, найти дороги, долго блуждалъ по ближайшимъ окрестностямъ, пока не раскаялся и не рѣшилъ загладить свой грѣхъ. Тогда онъ узналъ тропу къ монастырю, вернулся въ него, исповѣдалъ предъ настоятелемъ грѣхъ свой и, получивъ отъ него наставленіе, остался въ обители, гдѣ прожилъ до конца дней своихъ въ мирѣ и сокрушеніи сердца (II, 23).

IX.

Въ 1585 году въ царствованіе сына Грознаго, Ѳеодора Іоанновича, были отправлены послы въ Литву: на обратномъ пути одинъ изъ нихъ, Михаилъ Безднинъ, тяжко заболѣлъ, такъ что въ теченіи 15 дней не могъ ни ѣсть, ни пить. Не надѣясь выздоровѣть, посоль готовился къ смерти и дѣлалъ распоряженія о преданіи землѣ его тѣла, когда товарищи, проѣзжая мимо Болдиной обители, рѣшили завезти больного въ нее. Безднина, еле живаго, принесли къ ракъ св. угодника и настоятель съ братіей стали служить молебень объ исцѣленіи болящаго. По окончаніи молебна, изъ гроба Преподобнаго вышелъ точно какой пламень, коснулся страждущаго и онъ тотчасъ замѣтилъ, что къ нему возвращаются силы и появляется желаніе подкрѣпиться пищей. Отвѣдавъ монастырской пищи, посоль поѣхалъ въ путь, славя святаго угодника и, по прибытіи въ Москву, возвѣстилъ о бывшемъ съ нимъ благочестивому царю Ѳеодору (II, 24).

X.

Нѣкто Егоръ Плѣшивцевъ впалъ въ тяжкую болѣзнь. На праздникъ Св. Троицы въ Болдину обитель отовсюду направились богомольцы, съ ними кое-какъ пошелъ и больной, но на пути изнемогъ, отсталъ отъ своихъ спутниковъ и, упавъ на землю, горько болѣзновалъ о своемъ несчастіи и невозможности быть на праздникъ въ монастырѣ. Отъ усталости и недуга сами собою сомкнулись его глаза и вдругъ онъ видитъ „старца къ нему пришедша и жезлъ въ руцѣ своей держаща; въ ребра толкнувъ его жезломъ своимъ, старецъ глаголетъ: что лежиши? но возставъ иди въ монастырь мой и, молебная исправивъ Живоначальной Троицѣ, пришедъ ко гробу моему, здравіе получиши: азъ бо есмь Герасимъ, начальникъ обители тоя“. Ободренный этимъ видѣніемъ, больной почувствовалъ подъемъ силъ и вставъ пошелъ въ Болдину обитель, вознесъ моленіе Пресв. Троицѣ, поклонился гробу св. угодника и сдѣлался совершенно здоровымъ. Разказавъ объ этомъ чудѣ игумену и братіи, онъ возвратился въ домъ свой, славя Господа Бога и Его святаго угодника Герасима (II, 25).

XI.

Косьма Новоторжцевъ, родомъ изъ Вязьмы, впалъ въ болѣзнь, которая проявлялась тѣмъ, что онъ забывалъ, куда идетъ и, разъ попавъ въ извѣстное мѣсто, не могъ возвратиться оттуда, если кто либо не приходилъ къ нему на помощь и не провожалъ его домой. Родственники несчастнаго, прослышавъ о чудесахъ, совершавшихся у гроба Преподобнаго Герасима, привели его въ Болдину обитель. Помолившись Пр. Троицѣ и святому угоднику, больной тотчасъ выздоровѣлъ. Съ радостію онъ отправился назадъ въ жилище свое, прославляя Господа, дивнаго въ чудесахъ и святаго цѣлителя недуговъ Герасима (II, 26).

XII.

25 сентября 1589 года совершилось при мощахъ Пр. Герасима исцѣленіе отъ болѣзни супруговъ Гавріила и Евдокіи, жившихъ у князя Ивана Сицкаго.

Сперва Гавріиль, а отъ него и Евдокія, заболѣли помѣшательствомъ, выражавшимся въ неотступномъ и безпричинномъ страхѣ, который тревожилъ и разстраивалъ ихъ воображеніе. Имъ чудились какія то необыкновенныя мыши, кошки и разные гады; то вдругъ въ ночной тишинѣ предъ ихъ глазами появлялись мертвецы, которые иногда стояли на одномъ мѣстѣ, а иногда передвигались и скрежетали зубами. Больные не могли быть покойны ни днемъ, ни ночью: всякій новый предметъ, всякое новое мѣсто, какой нибудь неожиданный шѣрохъ или шѣпотъ, все повергало ихъ въ ужасъ и смятеніе. Болѣзнь развилась до того, что супруги стали бояться людей и животныхъ. Ихъ знакомые, зная о чудесахъ, совершавшихся при гробѣ св. Герасима, повезли больныхъ въ Болдину обитель. Новые предметы, новые люди, встрѣчавшіеся во время пути, самый скрипъ и гулъ колесъ, были причиною особенно сильнаго ужаса, который овладѣлъ болящими по пути въ Болдино. Имъ казалось, что какія-то невидимыя силы удерживаютъ ихъ отъ посѣщенія обители. Наконецъ, послѣ безчисленныхъ трудностей, супруги были доставлены въ Болдинъ монастырь; игумень съ братіей „соборне“ сотворили молитву о болящихъ и они получили совершенное исцѣленіе (II, 27).

ХІІІ.

Одинъ изъ жителей Смоленска, по имени Наумъ, „котельникъ художествомъ“, пожелалъ постричься въ монашество подъ кровомъ Пр. Герасима въ Болдиномъ монастырѣ, оставилъ домъ, жену, дѣтей и принялъ иночество, получивъ имя Іасона. Но, спустя немного, по наущенію злаго духа, онъ началъ думать и мечтать о прелестяхъ мірской жизни, нарушилъ иноческій обѣтъ и ушелъ въ Вязьму, въ одинъ изъ монастырей и жилъ тамъ, какъ мірянинъ. Преподобный Герасимъ не разъ во снѣ являлся ему, укорялъ его за нарушение обѣта иночества, грозилъ ему мученіями будущей жизни, но Іасонъ не вразумлялся видѣніями и продолжалъ жить попрежнему. Наконецъ, угодникъ Божій, явившись во снѣ Іасону, возвѣстилъ: „егда преслушаешия мене, се отселѣ имаши много страдати“ и инокъ проснувшись замѣтилъ, что на него напало расслабленіе. Онъ не могъ двинуть ни руками, ни ногами. Вспомнивъ о своемъ обѣтѣ, инокъ началъ горько плакать, каяться и упросилъ отвезти его въ Болдину обитель. По прибытіи сюда, онъ каждый день ходилъ ко гробу Преподобнаго и просилъ прощенія въ своихъ согрѣшеніяхъ, но долго не получалъ исцѣленія отъ недуга на пользу и наученіе всѣмъ маловѣрнымъ и вѣроломнымъ. Инокъ не переставалъ однако каяться и молить угодника объ исцѣленіи болѣзни, и молитва его была услышана: онъ совершенно выздоровѣлъ отъ расслабленія. Вмѣстѣ съ здоровьемъ, какъ это часто бываетъ, возвратилась къ Іасону и безпечность: спустя немного времени, онъ снова оставляетъ монастырь, чтобы жить не для подвиговъ и спасенія души, а для наслажденія здѣсь и мученія за гробомъ. Праведный Господь не оставилъ такого дерзкаго вѣроломства безъ наказанія: Іасонъ лишился ума, въ какой болѣзни и окончилъ несчастную жизнь свою. „Сія же мы видѣвше“, замѣчаетъ древній писатель житія, „въ забвеніе положити не смѣхомъ, но писанію предахомъ въ пользу слышащимъ“ (II, 28).

ХІV.

Инокъ Болдиной обители, по имени Діонисій, долгое время жилъ, какъ должно, соблюдая преданія, сохранявшіяся отъ временъ Преподобнаго и подчиняясь монастырскимъ уставамъ. Но наученный вра-

гомь челоуѣческаго рода онъ сталь хулить и обитель, и ея обычаи съ уставами, возненавидѣль церковное пѣніе, пересталь оказывать уваженіе игумену и затѣваль ссоры съ братіей. Мало того: онъ пересталь посѣщать церковь, не показывался въ трапезу, а похищая пищу и питье, употребляль ихъ тайкомъ отъ всѣхъ, и даже сталь взводить хулы на самого основателя обители, Пр. Герасима. Игумень и соборные старцы не разъ дѣлали попытки образумить его, но все было напрасно: непокорный съ каждымъ днемъ становился хуже и хуже, переходя отъ одного нарушенія устава къ другому. Такъ шло дѣло довольно долго, инокъ не думаль просыпаться отъ своего грѣховнаго сна, пока не грянулъ громъ свыше и Діонисій не впаль въ бѣшенство: произнося нелѣпныя слова, онъ бросался на братію и на животныхъ, ломаль и билъ все, что попадало подъ руку. Чтобы помѣшать его неистовствамъ, должны были наложить на него оковы; связаннаго его привели въ церковь къ ракъ св. угодника и стали возносить моленія объ исцѣленіи души и тѣла раба Божія Діонисія. Вмѣстѣ съ окончаніемъ молебнаго пѣнія окончились и страдания инока: къ нему воротился здравый смыслъ, со слезами на глазахъ онъ началъ каяться въ своихъ грѣхахъ и передавать окружающимъ то, что онъ испытываль. „Я былъ“, говорилъ онъ, „на какомъ-то неизвѣстномъ мѣстѣ, гдѣ злыя духи немилосердно мучили меня, но явились ко мнѣ Преподобный Герасимъ съ Вологодскимъ Епископомъ Антоніемъ¹² и прогнали отъ меня темныя силы“. Съ того времени болѣзнь, прогнанная молитвами св. угодника Божія Герасима, не возвращалась болѣе къ иноку Діонисію (II, 29).

Чудеса, совершенные Преподобнымъ Герасимомъ въ позднѣйшее время.

XV.

При настоятелѣ Болдиной обители игуменѣ Никодимѣ привезена была одна дѣвица, родомъ дворянка, которая была одержима бѣсомъ.

---

¹²) Діонисій былъ ученикомъ Антонія и хорошо зналь его.

Ее хотѣли ввести въ церковь, гдѣ почиваютъ мощи угодника, но она долго сопротивлялась; наконецъ рѣшено было ввести ее силою, но и на этотъ разъ встрѣтилось препятствіе. Больная такъ крѣпко вцѣпилась руками въ желѣзный пруть, которымъ задвигалась церковная дверь, что едва нѣсколько мушину могли оторвать ее и ввести въ церковь. Когда былъ отслуженъ молебенъ Преподобному и дѣвицу насильно приложили къ ракъ угодника, она немедленно успокоилась, пришла въ разумъ и чрезъ нѣсколько времени совершенно выздоровѣла.

XVI.

У сына помѣщика Дорогобужскаго уѣзда сельца Молодилова Константина Чебушева, Дмитрія, было сильное кровотеченіе изъ носа, заставлявшее опасаться за самую жизнь болящаго. Родители истощили всѣ средства, стараясь подать сыну врачебную помощь, побывали у всѣхъ докторовъ, болѣе или менѣе знаменитыхъ, но никто не могъ облегчить ихъ горя. Тогда отецъ и мать привезли больное дѣтище въ Болдинъ монастырь и вознесли горячія молитвы ко Господу Богу и Его святому угоднику Герасиму объ исцѣленіи ихъ сына. Масломъ, взятымъ отъ лампы, помазали носъ и ноздри больного, кровотеченіе тотчасъ остановилось и потомъ уже не возобновлялось. Врачъ, который послѣ посѣтилъ прежняго больного, пришелъ въ неописанное изумленіе, узнавъ что кровотеченіе остановилось отъ деревяннаго масла. Въ подобныхъ болѣзняхъ деревянное масло бываетъ очень вредно, здѣсь же, волею Божіей и молитвами св. угодника, оно произвело какъ разъ обратное дѣйствіе.

XVII.

Купецъ города Дорогобужа Заринъ, сдѣлавшись сильно боленъ, далъ обѣтъ сходить къ Кіево-Печерскимъ угодникамъ, что и не замедлил исполнить. Когда богомолецъ явился въ Кіевъ къ іеромонаху старцу Парѣнію, извѣстному своею чистою жизнію и даромъ прозорливости, старецъ спросилъ его, былъ ли онъ у ближайшаго къ его мѣсту жительства святаго, Преподобнаго Герасима. Получивъ отвѣтъ, что Заринъ никогда не былъ въ Болдиномъ монастырѣ, старецъ сказалъ ему: „сходи въ Болдинъ монастырь, помолись Пр. Герасиму

и поговѣй тамъ“. Возвратившись изъ Кіева, больной немедленно исполнилъ совѣтъ старца и получилъ полное выздоровленіе отъ своего недуга.

XVIII.

Крестьянка Гликерія Кондратьева, оступившись и упавши, сильно разбила себѣ руку, которая разболѣлась до того, что къ ней нельзя было притронуться. Она обращалась за совѣтомъ и помощью къ лѣкарямъ, но болѣзнь нимало не утихала. Послѣ этого она обратилась съ усердною молитвою къ Преподобному Герасиму, отслужила ему молебень и получила совершенное выздоровленіе. Заявивъ настоятелю и братіи о томъ, что съ нею совершилось силою святаго угодника, она возвратилась домой, славя Бога за дарованное ей исцѣленіе.

XIX.

Одна женщина изъ города Вязьмы, по фамиліи Зайцева, заболѣла въ 1871 году холерой. Болѣзнь, какъ всегда, быстро развилась и Зайцева, по общему убѣжденію, должна была умереть. Дочь ея, сильно къ ней привязанная, обратилась къ небесной помощи, когда человѣческая была очевидно излишня. Со слезами на глазахъ она стала молиться предъ иконою Пр. Герасима и просила святой помощи угодника. Молитва ея была услышана: ея мать была призвана отъ смерти къ жизни, продолжавшейся послѣ того цѣлыхъ девять лѣтъ.

Дочь Зайцевой сама заявила монашествующимъ Болдиной обители о чудѣ, бывшемъ надъ ея матерью.

XX.

У священника Ельнинскаго уѣзда села Каменецъ о. Александра долгое время болѣла дочь и онъ далъ обѣтъ сѣздить въ Болдинъ монастырь помолиться угоднику. Въ ночь подъ тотъ день, когда рѣшено было отправиться въ обитель, священникъ видитъ во снѣ, что онъ пріѣхалъ въ Болдино и его встрѣчаетъ одинъ молодой человѣкъ. Разговорившись съ нимъ, священникъ спрашиваетъ, гдѣ ему остановиться и въ это время видитъ старца въ монашескомъ одѣяніи, убѣленного сѣдинами, высокаго ростомъ. Молодой человѣкъ говоритъ священнику: „вотъ проси этого старца, онъ исполнитъ твою просьбу“, священ-

никъ падаетъ предъ старцемъ на колѣна и просить его заступничества. Не понявъ словъ, сказанныхъ старцемъ, священникъ проснулся и видитъ, что его больная дочь уснула, хотя сонъ давнымъ давно оставилъ ее, а потомъ мало по малу совершенно выздоровѣла. Но занятый дѣлами священникъ какъ то забылъ съѣздить въ Болдинъ монастырь и воздать благодареніе угоднику Божию за его благодѣяніе. Черезъ нѣсколько времени вмѣсто дочери заболѣлъ самъ отецъ; тогда онъ уразумѣлъ свою вину и далъ твердое обѣщаніе— помолиться у раки Св. Герасима. Прибывъ въ обитель, онъ встрѣтилъ того самаго молодаго человѣка (монаха), котораго видѣлъ во снѣ; монахъ указалъ страннопріимный домъ, гдѣ можно остановиться и свелъ священника въ церковь, гдѣ почиваютъ мощи Преподобнаго. Отслуживъ благодарственное Господу Богу молебствіе за исцѣленіе дочери и раскаявшись въ своемъ согрѣшеніи предъ Св. Угодникомъ, священникъ возвратился въ домъ свой совершенно здоровымъ.

XXI.

Мѣщанка гор. Вязьмы, по имени Анна, мучилась восемь дней и не могла разрѣшиться отъ бремени: никакія пособія и лѣкарства не могли помочь ей и она была приговорена къ неминуемой смерти. На девятый день отъ начала ея мукъ она вспомнила, что у ней есть деревянное масло отъ лампы, горящей предъ ракою Пр. Герасима. Съ пламенною молитвою къ угоднику, которая усиливалась ожиданіемъ смерти и болями рожденія, она выпила бывшее у ней масло и немедленно разрѣшилась живымъ ребенкомъ. Доктора, услышавъ объ этомъ, удивились, такъ какъ ихъ наука не знаетъ случаевъ, когда бы деревянное масло помогало родильницѣ разрѣшаться отъ бремени. Но невозможное для человѣка, легко для Бога, который всему даетъ жизнь и дыханіе и все (Дѣян. 17, 25).

XXII.

Одинъ іеромонахъ Болдиной обители, достигши старческаго возраста, впалъ въ дѣтство: онъ ежеминутно забывался, былъ разсѣянъ, говорилъ и дѣлалъ то, что позволительно неразумному ребенку. Молодые люди (послушники), недолго жившіе въ обители и не проник-

шіеся ея духомъ и обычаями, смѣялись надъ больнымъ, не взирая на его преклонный возрастъ. Эти насмѣшки были не только явнымъ отступленіемъ отъ иноческихъ уставовъ, но и нарушеніемъ самой главной христіанской заповѣди — о любви къ ближнимъ. Господь Богъ, защитникъ всѣхъ притѣсняемыхъ, не замедлилъ придти на помощь къ несчастному иноку. Казначею монастыря во снѣ явился неизвѣстный старецъ и сказалъ: „зачѣмъ вы забросили своего брата“, при чемъ назвалъ ослабѣвшаго іеромонаха по имени, „зачѣмъ вы допустили, что надъ нимъ смѣются и дѣлають поруганія? Онъ скоро отойдетъ отъ васъ. За то, что находится въ небреженіи здѣсь на землѣ, онъ получитъ воздаяніе отъ Бога на небѣ, а вы будете отвѣчать за свой грѣхъ“. Когда казначей спросилъ старца, кто онъ, старецъ отвѣтилъ: „я хозяйинъ этой обители“. И дѣйствительно черезъ пять дней болящій іеромонахъ, бывшій предметомъ посмѣянія, скончался.

XXIII.

Вдова діакона Пашина, урожденная Орловская, нѣсколько лѣтъ страдала болѣзнію груди, много издержала средствъ па лѣченіе, но не получила никакого облегченія. Въ одно время ночью она услышала голосъ; „призывай на помощь Пр. Герасима Болдинскаго и получишь исцѣленіе“. Пашина до сего времени даже не знала о существованіи такого угодника, почему, пріѣхавъ въ Вязму, она спросила, гдѣ почиываетъ Пр. Герасимъ Болдинскій. Ей дали нужный отвѣтъ. Она стала чаще и чаще призывать въ своихъ молитвахъ Пр. Герасима и постепенно оправилась отъ своей болѣзни. 12 января 1876 года она прибыла въ Болдинъ монастырь—принести благодареніе угоднику за оказанное ей благодѣяніе и сообщила братіи о бывшемъ съ нею чудѣ. Черезъ годъ въ обитель пріѣхалъ братъ исцѣленной, священникъ села Даниловичъ Ельнинскаго уѣзда Іоаннъ Орловскій, принесъ благодареніе Господу и его угоднику за исцеление сестры и снова, засвидетельствоваль действительность чуда, совершеннаго надъ его сестрою, Пашиной.

XXIV.

Дворянка Рославльскаго уѣзда, Варвара Яковлева Дурова, страдала очень долгое время расслабленіемъ всего тѣла и никто изъ врачей

не могъ оказать ей помощи. Испробовавъ всѣ медицинскіе средства, она обратилась съ молитвою къ Единому Врачу душъ и тѣлесъ—Богу и просила вразумить ее, кого изъ святыхъ ей нужно призывать въ молитвахъ, чтобы получить исцѣленіе. Однажды, находясь въ забытіи, она услышала голосъ; „Преподобнаго Герасима проси“. Никогда не слыхавъ о Преподобномъ Герасиме Болдинскомъ чудотворце, она думала что ей указано призывать въ молитвахъ Герасима, иже на Иордани. Но одна изъ дѣвушекъ, ходившая за больной, сказала, что въ Болдиномъ монастырѣ почиваютъ мощи тоже Пр. Герасима, который именуется Болдинскимъ чудотворцемъ. По устройенію Божию, на другой день послѣ этого разговора, больную посѣтила одна помѣщица, ѣхавшая изъ Болдина и имѣвшая при себѣ икону Преподобнаго Герасима. Болящая попросила приходскаго священника совершить молебствіе предъ иконой Преподобнаго, привезенной помѣщицей и послѣ этого стала замѣтно поправляться. Черезъ двѣ недѣли Варвара Дурова имѣла настолькоъ силу, чтобы пріѣхать въ Болдинъ монастырь и принести благодарение угоднику Божию за совершенное исцѣленіе отъ болѣзни. Въ память своего исцѣленія, она пожертвовала къ ракъ Преподобнаго дорогую серебряную лампаду съ позолотой. Это чудо было совершено Св. Герасимомъ въ 1871 году. Впослѣдствіи Дурова въ Смоленскомъ Вознесенскомъ монастырѣ приняла монашество съ именемъ Маріи.

Здѣсь мы закончимъ сказанія о чудесахъ, совершенныхъ Пр. Герасимомъ. Исчислить и описать всѣ было бы трудно и едва ли возможно по ихъ многочисленности. Изложены только тѣ, свидѣтелями которыхъ были иноки Болдиной обители или тѣ, о которыхъ возвѣстили испытавшіе ихъ; безчисленное же множество другихъ осталось втайнѣ отъ міра. За три съ половиною столѣтія, прошедшихъ со временъ угодника до настоящихъ дней, силу его чудеснаго вліянія испытало на себѣ множество людей.

Царь и его совѣтники, бояре и простолюдины, иноки и послушники, горожане и поселяне, воры и разбойники, нищие и странники, всѣ такъ или иначе плѣнялись этой силой.

Люди всѣхъ сословій, возрастовъ, того и другаго пола чувствовали на себѣ неотразимую мощь и небесное величіе подвижника, когда устремляли на него взоры.

Гдѣ же источникъ и корень той таинственной непостижимой власти, которую приобрѣтаютъ надъ душами вѣрующихъ самъ угодникъ при жизни и его мощи по смерти? Отвѣтъ на это даетъ пророкъ и псалмопѣвецъ Давидъ въ слѣдующихъ словахъ: Ты, Господи, благословиши праведника, вси уповающіи на Тя въ вѣкъ возрадуются и вселишися въ нихъ (Пс. V, 12—13).

